

В конце земной жизни Пресвятая Богородица, по церковному преданию, возвратилась из Ефеса, где Она жила в доме апостола Иоанна, в Иерусалим, поближе к Гробу Своего Божественного Сына. Когда же наступило время Ее Успения, у одра Ее чудесным образом собрались апостолы Христовы. У них на глазах Матерь Божия испустила дух, и Господь принял Свою Матерь в обитель вечной жизни.

В Церкви с самой древности хранится предание о том, что тело Матери Божией не испытало тления и было вознесено на небо. Св. Григорий Фессалоникийский в «Слове на Успение Богородицы» проповедовал: «Она единая ныне вместе с Сыном в богопрославленном теле имеет небесное обиталище: поскольку земля, гроб и смерть не имели власти удержать до конца живоначалное и богоприемное тело... И подлинно, если душа, имевшая обитающую в ней благодать Божию, оставляя земное, возносится к небу..., то как могло быть не вознесено от земли на небо тело, не только принявшее в себя Единородного и Предвечного Сына Божия, неиссякаемый Источник благодати, но и родившее и явившее Его? Как сделалась бы перстью, подвергшись тлению, Та, Которая, еще будучи трехлетней и не имея в Себе Пренебесного Вселившегося, еще не рождавшая Воплотившегося, обитала во Святой Святых?.. Она прямо из гроба была вознесена в пренебесное жилище, откуда сияет светозарным и Божественным блеском, освящая оттуда всякое земное достояние, и за это всеми верными поклоняемая, восхваляемая и воспеваемая».

Как Матерь Господа, Пресвятая Богородица превосходит благодатью и близостью к Богу не только всякого человека, но и весь тварный мир, даже мир ангельский, духовный. И Церковь чтит Ее превыше Херувимов и Серафимов, ибо, по словам св. Григория Фессалоникийского, «Она есть Виновница всего бывшего до Нее и предстательница всех бывших после Нее и Посредница вечных благ. Она — предмет предречений пророческих, Начальница апостолов, Утверждение мучеников, Основание учителей. Она — земнородных слава, Небесных радование и всей твари похвала. Она — Начало, Источник и Корень неизреченных благ, Она — глава и совершение всякой святости».

VI. НАШЕ СПАСЕНИЕ ВО ХРИСТЕ

I. ЖЕРТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ ХРИСТОВА

Сотворив человека, Бог предоставил ему широкие возможности познания окружающего человека тварного мира и пользования им для своих нужд. Заповедь «плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю» сопровождалась предоставлением возможности «владычествовать» над всем многообразием животного и растительного мира (Быт. 1: 28—29). Используя эти возможности, человек и поныне населяет землю; «владычество» человека проявляется также в научном познании и в развитии техники.

Однако познание тварного мира лишь частично удовлетворяет запросы человечества: состоя из тела и души, он нуждается в удовлетворении не только материальных, но и духовных потребностей, нуждается в познании не только сотворенного мира, но и Самого Творца. В богопознании, т. е. в общении с Богом, в восприятии от Него и в исполнении Его воли смысл и содержание существования каждого человека как здесь на земле, так и по окончании земной жизни — в вечности. «Сия есть жизнь вечная», — говорил Христос в молитве Отцу Небесному перед Своими страданиями, — «да знают Тебя, единого истинного Бога» (Ин. 17: 3).

Однако познать Бога собственными силами и средствами человеку невозможно: «Бога не видел никто никогда» (Ин. 1: 18), — писал св. Евангелист Иоанн Богослов, а святой апостол Павел говорит еще определеннее: «Он обитает в неприступном свете, Его никто из человеков не видел и видеть не может» (1 Тим. 6: 16). Богопознание оказывается недоступным для человеческих возможностей не только по причине величия, беспредельного совершенства и бесконечного превосходства Божия, но и по причине человеческой удаленности от Бога, возникшей вследствие человеческой греховности. Первородный грех не остался без последствий, пагубных для всего рода человеческого, наоборот, изучая библейскую и общечеловеческую историю, рассматривая нравственное состояние современного нам человечества, углубляясь, наконец, в собственную душу,

мы убеждаемся в нашей зараженности грехом, причем общечеловеческая греховность находит себе самые разнообразные проявления.

Если прародители нарушили одну-единственную заповедь Творца, то человечество в его исторической нравственной деградации достигло фантастического развития греховной жизнедеятельности в самых разнообразных и изощренных проявлениях и формах. В такое состояние, как рассказывает первая книга Библии, люди впали уже сравнительно скоро после грехопадения и прекращения первичного безгрешного и потому блаженного существования своих прародителей, но благодаря потопу, т. е. массовому одновременному очищению земли от греховной скверны, они получили счастливую возможность начать новую жизнь и вернуться к спасительному богообщению (Быт. 5:11—13). Как известно, они этой возможностью не воспользовались.

Если бросить взгляд на состояние человечества две тысячи лет тому назад, его греховная развращенность представляется беспросветной. Повсеместное нравственное разложение, постоянные войны, сопровождавшиеся у многих племен и народов людоедством, многоженство и повальный разврат, безудержный эгоизм и вытекающая из него великая ненависть, наконец, полное отпадение от Бога и даже забвение Его, замена истинного богопочитания идолопоклонством (Рим. 1: 21—32), — все это царство зла охватило и удерживало под своей властью почти все человечество, распространившееся к тому времени по всем материкам нашей планеты.

Несмотря на греховную развращенность человечества, *tra* его отступничество, Бог не восхотел подвергнуть его новой всемирной катастрофе, повторному массовому уничтожению, но употребил совершенно новое, до того небывалое средство, явившееся беспрецедентным проявлением Божественной любви к падшему и отвернувшемуся от Бога человечеству: «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3: 16). В одной из самых небольших стран мира, в захолустном Вифлееме, родился Спаситель Мира, Богочеловек Иисус Христос.

Попечение Божие о спасении нарушающих Его волю и погибающих во грехах людей проясняется для нашего понимания, когда читаем в Священном Писании, что «Бог есть Любовь» (1 Ин. 4: 8). Он, сущность Коего остается непостижимой, открывается нам, однако, как беспре-

дельная, вечная, всеобъемлющая Любовь, которой мы можем радоваться, можем перед ней преклоняться, можем на нее отвечать нашей любовью (1 Ин. 4: 19), но ни измерить, ни даже представить себе ее в ее божественной полноте не можем. Как мы знаем, Бог открывает Себя в природе, которую Он сотворил (Рим. 1: 19—20), открывши Себя в нашем нравственном самосознании (Рим. 2: 14—15), в учении и призывах возвещавших о Нем пророков, однако самое полное и совершенное Откровение Божие дано людям во Христе Иисусе.

«Великая благочестия тайна: Бог явился во плоти» (1 Тим. 3: 16). В этих кратких словах заключено глубочайшее содержание, раскрытие которого находим в последних словах частично уже знакомого нам текста (см. выше): «Бог... говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки (время) сотворил» (Евр. 1: 1). Итак, сущность совершившегося почти две тысячи лет тому назад в Вифлееме события состоит не только в том, что от Пречистой Девы Марии родился Младенец, Которого по указанию свыше Мария и Иосиф называли Иисусом (в переводе — Спасителем), но также и в первую очередь в том, что в этом Младенце воплотилось Второе Лицо Святой Троицы, именуемое Словом, или иначе — Единородным Сыном Божиим, воплотился и вочеловечился Сам Бог.

Люди, утратив через грех общение с Богом, не хотели идти к Нему, искать Его, приближаться к Нему, и вот Сам Бог, проявив бесконечное, беспрецедентное, поистине божественное смирение и самоуничижение, пришел в наш мир, став Богочеловеком. Мы знаем, что в дальнейшем Сын Божий и Сын Человеческий Христос Иисус, прожив на земле около тридцати трех лет, с самого начала и до конца Своей земной жизни, творил дела любви и милосердия, явил людям Бога как любящего Отца и возвещал им Его волю, чтобы все люди спаслись и имели жизнь вечную (1 Тим. 3: 16), и завершил Свой целожизненный подвиг страданиями и смертью на кресте. Об этом говорит ап. Павел в следующих кратких словах: «Он, будучи образом Божиим... — унижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп. 2: 6—8).

Учение о воплощении Сына Божия и о Его спасительном подвиге подробно раскрыто в творениях святых Отцов

(особенно св. Афанасия Александрийского) и в Никейском Символе Веры. В нем говорится, что мы веруем в Иисуса Христа Сына Божия, «нас ради и нашего ради спасения сшедшего с небес и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечившегося; Распятого за нас при Понтийском Пилате и страдавшего и погребенного...»

Не только воплощение и вочеловечение, но весь жизненный путь Христов, начиная с зачатия от Духа Святого и кончая Его крестными страданиями, смертью, Воскресением и последующим Вознесением, был совершен «нас ради и нашего ради спасения». Через этот подвиг каждому человеку предоставляется возможность примирения с Богом, т. е. получения от Бога прощения грехов и вечной жизни с Богом и в Боге. Это достигается верой в Иисуса Христа, как в Спасителя и Господа, и плодами веры — покаянием и крещением.

Все это обещано нам Самим Иисусом Христом: «Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Ин. 5: 24).

Слушатели этих обетований, хотя и питали к Христу интерес и внимание, а некоторые принадлежали даже к числу Его учеников, однако смотрели на Него, как на, хотя и боговдохновенного, но по своей сущности обыкновенного человека, поэтому Христос призывал следовать за Ним и веровать в Него чаще не от Своего Имени, а от имени Бога Отца: «Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе» (Ин. 5: 26); «все предано Мне Отцем Моим» (Мф. 11: 27); «все, что дает Мне Отец, ко Мне придет; и приходящего ко Мне не изгоню вон» (Ин. 6: 37). Конечно, Иисус говорил не о вере рассудочной, умозрительной, не о признании только бытия Божия и всего, чему учил Он Своих учеников и других слушателей, а о вере деятельной, охватывающей ум, сердце и волю человека и потому проявляющейся в его поведении, в его деятельности. Это хорошо понимали ученики Христовы, ибо потом сами призывали: «станем любить не словом или языком, но делом и истиною» (1 Ин. 3: 18); «во Христе Иисусе... имеет силу ... вера, действующая любовью» (Гал. 5: 6); «вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» (Иак. 2: 17).

Спасаящая вера запечатлевается и утверждается крещением, погружением в воду во Имя Бога, во Святой Троице славимого: Отца, Сына и Святого Духа. К крещению, как к средству и вратам спасения призывает Сам Христос словами: «Идите, научите все народы, крестя их во Имя Отца

и Сына и Святого Духа» (Мф. 28: 19); «кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Мф. 16: 16).

Спасение людей, верующих во Христа, чрез Его жизненный подвиг, чрез Его смерть и воскресение есть радостная истина, возвещаемая в Священном Писании и составляющая средоточие христианской веры, христианского благовестия, т. е. Евангелия (само слово «Евангелие» означает в переводе «благая, добрая весть»).

Еще до рождения Богомладенца Иисуса через Ангела было возвещено, что «Он спасет людей Своих от грехов их» (Мф. 1: 21). Спасителем назвал родившегося Богомладенца Ангел, возвестивший о Его рождении пастухам (Лк. 2: 11); именно в Его спасительной миссии и заключалась сущность великой радости, о которой говорил Ангел и «которая будет всем людям» (ст. 10). Пение ангельского воинства тотчас же пояснило, в чем состоит эта радость: на земле мир, в человеках благоволение; на земле зарождается царство мира, следствие и признак благоволения Божия к человечеству, такому, какое оно есть, т. е. к падшему и греховному.

Уже в начале Своего общественного служения Христос говорит Своему тайному ученику Никодиму: «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3: 16), а пророк Иоанн Креститель, несомненно движимый Духом Святым, как бы предвосхищает сказанное позже прямое обетование Спасителя: «Верующий в Сына имеет жизнь вечную» (Ин. 3: 36; Мк. 16: 16; Ин. 5: 24; 6: 47).

Несмотря на таинственный, мистический характер совершенного Иисусом Христом дела спасения человеческого рода, церковное богословие с апостольских времен стремится уяснить его сущность, усвоить его понимание верующей душе так, чтобы она мыслила, радостно созерцала и переживала свое спасение. Поэтому и нам, благоговейно приступая к изложению и посильному раскрытию тайны нашего спасения, следует пользоваться прежде всего словом Божиим, т. е. тем же Источником, каким пользовались Святые Отцы Церкви, неутомимые труженики своего времени в великом деле раскрытия и изложения церковного учения, в частности, о спасении, христианской сотериологии.

Созерцая земную жизнедеятельность Христа Спасителя, прежде в его можем убедиться в Его безгрешности и в страдальческом характере большей части Его человеческих переживаний.

Даже враги Христовы, ни во время Его земной жизни, ни после Ее завершения не могли обвинить Его в чем-либо греховном, противоречащем заповедям Божиим и совести. Нельзя сказать, чтобы попытки такого рода не имели места: Его пытались обвинить в формальных нарушениях Закона (Лк. 6: 1—11), в нарушении этикета, не допускавшего общения с изгоями иудейского общества, например, с мытарями (Мф. 9: 18—19; Лк. 5: 29—30), в противопоставлении Себя и Своего учения чужеземным властям, наконец, в бессмысленном намерении разрушить Иерусалимский храм (Мк. 14: 56—59), но все эти попытки диктовались не объективной оценкой Его поступков, а завистью и ненавистью, а многие из них, как, например, вопрос об уплате налога Римлянам, имели провокационный характер (Мф. 22: 15—22).

Спаситель Сам признавал Свою безгрешность и говорил: «Кто из вас обличит Меня в неправде?» (Ин. 8: 46). Безгрешность Его поистине имеет высочайшее достоинство, ибо Он был подвержен искушениям и подвергался им в жизни многократно (Мф. 4: 1—4, 15, 23; 22: 15—22; 27: 42).

Страдания Его были естественным следствием, с одной стороны, бесконечной любви Божией к людям, нашедшей себе величайшее выражение в пришествии в мир Сына Божия и в Его жизни на земле, а с другой — человеческой испорченности, злобы, иначе говоря — дьявольского господства зла, которому подпало преуспевающее во зле человечество. Борьба этого зла против всего доброго и святого, что свойственно человеку, как образу и подобию Божию, велась с самого начала существования человеческого рода, но наибольшей силы и напряженности она достигла при появлении Сына Божия на земле (проявлениями этой ожесточенной борьбы были многочисленные изгнания бесов при исцелении бесноватых). Эта борьба сопровождалась физическими и духовными страданиями Господа, и это не удивительно: если жизнь обыкновенного хорошего, преданного Богу и соблюдающего Его заповеди человека всегда проходит в столкновениях со злом лежащего во грехе мира (1 Ин. 5: 19), то какой же силы должна была достичь эта борьба и сопряженные с ней страдания у Того, Кто пришел в мир как Свет, сам приход Кого явился для мира обличением и судом? «Суд же состоит в том, что Свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы, ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету»... (Ин. 3: 19—20).

Ключом к уразумению, зачем Сын Божий стал Человеком, пришел в этот греховный мир и, страдая, боролся за его спасение, могут служить слова Спасителя: «Нет больше той любви, как если кто положит душу (жизнь) свою за (для) друзей своих» (Ин. 15: 13).

Как мы радостно читаем у Евангелиста Иоанна, как мы постоянно чувствуем и переживаем в нашей жизни, «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4: 16). Уже в Ветхом Завете люди могли услышать сказанные через пророка слова, дающие упование и надежду: «Любовию вечною Я возлюбил тебя» (Иер. 31: 3). Эта вечная любовь Божия с беспредельной, наибольшей, превосходящей человеческое разумение силой излилась на мир, вошла в него в богочеловеческой Личности Иисуса Христа: «В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал сына Своего в умилоствление за грехи наши» (1 Ин. 4: 10).

Любовь Божия к людям, по своей силе и яркости превосходящая возможности человеческого представления, выразилась в действии, превосходящем по силе и величю всякие иные проявления любви, а таким действием могла быть только смерть, то есть, говоря словами Самого Господа — отдача «души» (жизни) Своей за друзей Своих.

Остается попытаться уяснить, почему Бог проявил Свою вечную великую любовь именно в вочеловечении Сына Божия, в «отдании» (Ин. 3: 16) Его, в «послании» (1 Ин. 4: 9; 10: 14; Рим. 8: 3) Его в грешный, но любимый Богом мир на страдания и смерть и почему вочеловечение, подвиг земной жизни и, наконец, страдание и крестная смерть оказались для мира спасением, имели следствием примирение с Богом (приближение к Нему) и возможность спасения, т. е. вечной жизни с Богом и в Боге?

Ответ на первый из этих вопросов вытекает из ответа на второй: в самом деле любящий мир Бог «отдал» Сына Своего Единородного», ведая, что это необходимо, «дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3: 16). Мы не можем узнать, возможны ли другие способы спасения рода человеческого, но знаем, что Бог избрал именно такой путь ко спасению, путь жертвенного проявления любви, путь отдачи жизни Богочеловека за друзей Своих, за друзей, какими избирает Себе и какими именуется Бог всех грешных людей, принимающих верою и покаянием даруемое им во Христе спасение (Ин. 15: 14—16), делает и именуется их наследниками Царствия Божия (Мк. 1: 15; Тит. 3: 7).

Любовь всегда ищет близости и блаженства (счастья) любимого. И вот, абсолютная, безмерная, присущая Богу любовь, которую нельзя даже мысленно отделять от Его неисследимой Сущности, ищет приблизиться к Себе, ибо Он есть Любовь (1 Ин. 4: 3), любимого им, Ему подобного по творению, но отпадшего по греху человека. Такая беспредельная, существенная близость человеческой природы с Богом осуществлена в Личности Богочеловека, осуществлена соединением Божественной и человеческой природы, соединением неслиянным и нераздельным, неизменным и непреложным (орос IV-го Вселенского Собора).

Человеческая природа в Иисусе Христе — Богочеловеке вовлекается во взаимную божественную любовь, извечно присущую ипостасям Святой Троицы: «Отец любит Сына», свидетельствует Сын Божий (Ин. 5: 20), и «Я люблю Отца» (Ин. 14: 31), говорит Он перед расставанием с учениками. Но Отец любит Сына и потому, что, став человеком, Сын творит волю Отца: «Потому любит Меня Отец, что я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее... Сию заповедь получил Я от Отца Моего» (Ин. 10: 17, 18). Но и ученики Христовы вовлекаются в этот божественный поток любви. Зная и любя Иисуса Христа как человека, они вовлекались в Его любовь к Отцу Его и Отцу их, к Богу Его и Богу их, как говорил Он Марии Магдалине (Ин. 20: 17).

Постоянно утверждая Свое единение с Отцом Небесным (Ин. 12: 44—45; 10: 30; 14: 9—11), Сын Божий не только всеми Своими действиями, но и словами говорил им о Своей богочеловеческой любви к ним: «Я возлюбил вас...» — троекратно повторяет Он при прощальной беседе, призывая их к взаимной любви (Ин. 13: 34; 15: 9, 12). При этом все время они слышали из Уст Учителя сопоставление любви, к которой Он призывал их, с любовью Его и Отца к ним: «Любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Ин. 15: 12); «Сам Отец любит вас» (Ин. 16: 27).

Любовь, будучи укоренена в Боге, обладает божественной силой. Придя в землю в лице Богочеловека, она роднит человека с Богом, побеждает зло, приносит людям блаженство, начинающееся в земной жизни и развивающееся в блаженство вечное.

2. НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Наиболее подробно Нагорная проповедь изложена у евангелиста Матфея. Отдельные отрывки ее мы находим также у ев. Луки. Но здесь она излагается частями, в разных местах Евангелия. Нагорная проповедь содержит в себе суть новозаветного учения Христа. Во время Божественной Литургии, в самом начале Богослужения хор пропевает заповеди блаженств. Изложением этих заповедей и начинается Нагорная проповедь Христа Спасителя.

Недалеко от Геннисаретского озера между Капернаумом и Тивериадой до сих пор показывают «гору блаженств», с которой и была, возможно, произнесена Господом ради удобства слушающей толпы народа эта проповедь.

Гордый своим избранничеством и уязвленный потерей политической самостоятельности еврейский народ, особенно в лице своих религиозных и политических руководителей, мечтал о приходе такого Мессии, который освободил бы их от иноземного владычества и воцарился над евреями, поработив им все народы земли. Это должно было принести народу сказочное благополучие: море будет выбрасывать на землю жемчуг и все другие свои сокровища, народ оденется в багряницу, украшенную драгоценными камнями, а небо будет питать людей манной, еще более сладкой, чем та, которая посылаясь им в пустыне во дни Моисея.

Однако та проповедь, с которой обратился к народу Иисус Христос, звучала явным диссонансом материалистическим ожиданиям еврейского народа. Прежде всего нужно сказать, что те, кто окружал Христа, были в основном простыми людьми. Это видно и из тональности произнесенной проповеди, и из ее содержания. Но, конечно, это не значит, что Христа в момент произнесения проповеди окружали люди бедные только лишь в материальном плане. Первое «блаженство» говорит как раз о тех, кто нищенствует духовно.

Сами по себе «блаженства» представляют из себя определенный род приветствий, обращенных к народу. Этими приветствиями Христос не только учит, но, в какой-то степени, Он и характеризует стоящих перед ним людей. Каждая новая заповедь начинается словом «блаженны»... Для того, чтобы лучше понять смысл этого слова, можно обратиться к св. Григорию Нисскому. Он пишет: «Блаженство есть совокупность и полнота всего, что есть благо и что желается, как благо, без единого недостатка, лишения и

препятствия. Последователи Христа не только ждут блаженства, как будущего, но оно присуще их душе, как настоящее, поскольку в них присутствует сам Христос» (Беседы о блаженствах).

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Этими словами Христос приветствует окружающий Его со всех сторон народ. Он говорит, что их стремление насытиться Словом, исходящим из уст Божиих, основанное на признании собственной духовной несостоятельности, делает их участниками в радости Царства Небесного.

Вероятно, среди тех, кто окружал Христа, были плачущие. Они могли плакать по разной причине: кто-то, возможно, плакал от радости при виде величественного вдохновенного лика Спасителя, может быть, кто-то плакал, вспоминая свои грехи, но были, наверно, и такие, кого постигло большое горе. И вот, приветствуя всех этих людей, Христос заверяет их, что они получают утешение, слезы их будут осушены и лица их будут освящены радостью Благодати Божией.

Христос приветствует и тех незлобивых, скромных людей, которые борются со злом этого мира посредством своих добрых дел, на первый взгляд, может быть, и неприметных, но исключительно важных для всего человечества и по-настоящему мужественных ввиду их каждодневности. Именно такие люди могут быть настоящими хозяевами земли. Они, по словам Христа, являются наследниками Славы Божией здесь, на земле. «Но я верую,— восклицал древний псалмопевец,— что увижу благодать Господа на земле живых» (Пс. 26: 13). Правда, некоторые толкователи думали, что Спаситель здесь имеет в виду новую землю. Эта точка зрения может иметь основание в словах апостола Петра: «Впрочем мы по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которой обитает правда» (2 Петр. 3: 13).

Наверняка, здесь были и те, кто совершенно разуверился во всех человеческих учениях. Они пришли сюда в надежде услышать от Христа слова Истины и Правды, как жаждущие в пустыне прибегают к источнику живой воды. И Господь, видя этих людей, приветствует их, потому что они насытятся Божественной Правдой.

Христос приветствует также милостивых. Он утверждает, что они будут помилованы. Под милостивыми здесь понимаются прежде всего люди, обладающие милующим сердцем. Комментируя это место Священного Писания, св. Иоанн Златоуст говорит так: «...мне кажется, что Он

говорит здесь не об одних только милостивых раздачею имущества, но и милостивых через дела. Ибо разнообразны способы милости и широка та заповедь» (На Еванг. от Матф., Беседа 15-я). Когда говорится о Том, что милостивые будут помилованы, это совсем не означает, будто бы Бог подсчитывает количество добрых и злых дел и, исходя из этого, выносит человеку Свой приговор. Милостивый человек — это тот, кто не может быть жестоким, —кто любит своего ближнего и у кого жалеющее сердце. Милость же Божия не сравнима с человеческой. По выражению ап. Иакова, у Бога «милость превозносится над судом» (Иак. 2: 13). Но необходимо также отметить, что Христос в данном случае имеет в виду не только милость на Страшном суде, Он говорит здесь и о милости, на которую имеют право надеяться добрые люди в этой земной жизни.

«Блаженны чистые сердцем» — Христос видит среди других и этих людей, которые выделяются своими светлыми, радостными лицами. Издревле сердце считалось центром внутренней, интимной жизни человека. Все его чувства, желания и стремления рождаются в сердце. И если человеческое сердце остается чистым от порочных страстей и греховных помышлений и дел, то открывается постепенно его духовное зрение, Сам Господь вселяется в его сердце, и он воистину видит, духовно осязает Бога. «Кто взойдет на гору Господню, или кто станет на святом месте Его? Тот, у которого руки не повинны, и сердце чисто»,— восклицает псалмопевец.

«Блаженны миротворцы»,— этими словами Христос приветствует тех, кто всегда и везде стремится к миру. Но дело это по-настоящему подвластно только для тех людей, которые имеют мир в своей душе. Внутренняя умиротворенность является условием миротворческой деятельности среди людей, потому что к Богу человек может обращаться лишь тогда, когда он находится в мире с самим собой и ближними. Именно поэтому многие богослужения Православной Церкви начинаются словами: «Миром Господу помолимся» или, если перевести смысл этой фразы на русский язык: «Имея мир Христов в душе, Господу помолимся». Христос является источником духовного мира, Он Сам первый миротворец, ибо примиряет грешное человечество с Богом. «Слава в вышних Богу и на земле мир» (Лк. 2, 14).— Это радостное рождественское песнопение напоминает каждому христианину о том, что Сын Божий, принесший мир на землю, усыновляет каждого человека своему Небесному Отцу, если он искренне стремится к

созиданию в своей душе Царствия Божия. И как не вспомнить в этой связи прекрасные слова преп. Серафима Саровского: «Стяжи мирный дух, и тысячи спасутся вокруг тебя». Итак, тот, кто созидает мир в своей душе, кто стремится украсить этим миром жизнь своих ближних, воистину является сыном Божиим.

«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное». Люди, изгнанные за правду, встречаются часто и во всяком обществе. Правдивые бывают нетерпимы в дурном и порочном обществе. Так как эти люди не находят для себя спокойного места на земле, среди дурных и порочных, то получают обещание «Царства Небесного». Интересно провести в данном случае параллель с первой заповедью, где за стремление к духовным ценностям Царства Божия тоже обещается его наследование. Поэтому и здесь особый акцент нужно делать прежде всего на правду Царства Божия, что, собственно, подтверждает и следующий стих. Здесь подчеркивается, что воистину блаженны те, кто несправедливо будет гоним и претерпит различные страдания и лишения во имя Христа, Который и есть истина, воплощение всякой правды и любви. Поэтому эти люди должны радоваться, ибо им уготована великая награда в Царстве Божием. Мысль о высшей небесной награде людям, не встречающим, ради Христа, в этом мире ничего, кроме злобы, гонений и поношений, естественна и вполне отвечает требованиям и здравой логики и нравственности. Но не меньшей наградой является сознание той Высшей Правоты, за которую человек претерпевает всяческие поношения, потому что в данном случае последователь Христа реально переживает Царствие Божие в своей душе.

После приветствий, с которыми Господь обращается к народу, посредством которых Он как бы узнаёт в этом народе своих последователей, своих учеников,— Спаситель обращается к ним также и с некоторым предостережением. «Вы соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?» (Мф. 5: 13). В то время древние римляне говорили, что нет в мире ничего полезнее солнца и соли. Это очень объемное по богатству содержания выражение и его нужно понимать в контексте второго определения: «Вы свет мира» (Мф. 5: 14).

Человек, как известно, является венцом творения. Он несет в себе идею Божественного замысла, будучи ее выразителем. Если человек теряет этот главный смысл своего существования, он, как потерявшая соленость соль, оказы-

вается пустым, лишним на земле. Но тот, кто является воистину выразителем Божественного предназначения, должен быть тем светильником, который освещает мир и жизнь всех других людей. А источником этого света является Сам Бог, Творец и Спаситель мира. «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного» (Мф. 5: 16).

И все-таки, пока еще остается не ясным, каким должен быть человек, какие заповеди он должен исполнять. Поэтому Христос сразу же, после этих вступительных слов и приветствий, говорит, что Он пришел исполнить закон, который дан народу через Моисея, и в Нем должны исполниться древние пророчества. Но закон этот уже нельзя понимать в том ветхом значении, как его истолковывают книжники и фарисеи. Они не могут привести человека к Богу. Поэтому Бог Сам пришел на землю, чтобы человек мог взойти на Небо. И далее следует сама суть Нагорной проповеди, где Христос разъясняет народу, как по-новому нужно понимать древние Божественные заповеди.

Толкование пяти самых основных ветхозаветных заповедей начинается словами: «Вы слышали, что сказано древним...» — и далее всегда: «... а Я вам говорю». Самое главное здесь заключается в том, что, несмотря на кажущееся резкое противопоставление старого и нового, Христос нигде не повреждает смысла древнего закона. С особенной строгостью Христос подчеркивает необходимость исполнять две заповеди: «не убий» и «не прелюбодействуй». Тот, кто нарушает эти заповеди, «подлежит геенне огненной». В юго-восточной части Енномовой долины, покрытой садами и рощами, близ Силоамского пруда, находилось, по словам бл. Иеронима, место, называемое Тофет (т. е. плевок или гарь), где идолопоклонники евреи сжигали в честь Молоха своих детей. Иосия, царь Иудейский, уничтожил эти мерзости. Енномова долина — это место, которое позднее получило название «долины Ге-Хинном» или «огненная Ге-Хинном», в греческом произношении «геенна». Она стала символом вечной муки осужденных. Говорят также еще, что это было место для свалки всяческих нечистот, куда свозились тела непогребенных и где постоянно поддерживался огонь. Именно в таком смысле и употребляет это выражение Господь. Но, по словам Христа, «геенне огненной» принадлежат не только те, кто убивает и прелюбодействует, но также и те, в чьем сердце разгорается гнев на своего брата, кто пребывает в постоянной вражде со своим ближним, кто, наконец, не подавляет своего страстного

желания владеть женой другого. Такие люди являются нечистыми по своей сути, и поэтому их место на помойке в прямом и переносном смысле. Поэтому Христос запрещает развод, который дает человеку повод к прелюбодеянию и, таким образом, ведет к гибели, и словами ап. Павла призывает: «Солнце да не зайдет во гневе вашем» (Еф. 4: 26).

При Моисее клятва между израильтянами была очень распространена, как старинный обычай. Но поскольку к ней часто относились слишком легковесно, Моисей ввел определенные ограничения. Например, строго запрещается ложная клятва с упоминанием имени Бога (Исх. 20: 7; Лев. 19: 12). И вообще, предполагается исполнять клятвенные обещания. Не уподобляться язычникам и неверующим евреям, у которых было в обычае клясться чем угодно и не исполнять затем своих обещаний. Как известно, против этого выступали ессеи, которые отрицали клятву. Правда, и они не были до конца последовательны, потому что заставляли приносить страшную клятву при вступлении в их партию. Христос же запрещает всякую клятву. Для праведного человека вполне достаточно сказать «да» или «нет». Христианин должен быть настолько честным и правдивым, чтобы люди верили одному его слову. Хотя Христос и не находил нужды в какой бы то ни было клятве, однако, пока Церковь находится в мире и мир в Нее проникает, христианам, как членам государства, например, допустимо принести присягу, если того требует правительство. Также мы можем вспомнить и ап. Павла, который призвал Бога во свидетельство своих слов (Рим. 1: 9; 9: 1; 2 Кор. 1: 23; 2: 17; Гал. 1: 20). Недопустима пустая легкомысленная клятва, которая больше свидетельствует о бесчестности человека, чем о его правдивости.

Древний закон «око за око и зуб за зуб» ограничивал обычай мести. Не позволялось обидчику наносить вред больший, чем истец справедливости претерпел от него. Христос же отменяет месть совершенно. Он запрещает восставать на человека с ответной злобой, ибо, в таком случае, зло это проникает в самое сердце. Таким образом, христианину запрещается злое чувство мстительности, но это не означает, что ему непозволительно противиться злу. Только необходимо отличать зло от его конкретного носителя, поэтому Христос говорит слушающим Его: «...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего небесного».

(Мф. 6: 44). В том и состоит величие христианской ответственности, что она внесла во все цивилизованные европейские законодательства заботу не только о благопристойных людях, но и о преступниках. Поэтому наказание виновных всегда должно иметь ввиду не только безопасность общества, но и возможность исправления преступившего закон. Бог хочет, чтобы все люди были достойны Небесного Царства и, человек, желающий истинного блага всем своим ближним, является действительно сыном Небесного Отца. «Итак, будьте совершенны,— говорит Господь,— как совершен Отец ваш небесный» (Мф. 6: 48).

Христова заповедь о любви тесно связана и с поучением о том, как нужно творить милостыню. Господь хочет, чтобы помощь нуждающимся людям была делом нашего любящего сердца. Чтобы это великое дело не сводилось к бесчувственному обычаю или рекламной выгоде. Только Небесный Отец, знающий все самые тайные движения нашего сердца, может по достоинству оценивать наши поступки.

И молитва к Богу должна быть действительным обращением сердца. Всякая лицемерная демонстрация нашего молитвенного благочестия оскорбляет Бога. Молитва — это прежде всего пребывание человека пред лицом всевидящего и всезнающего Бога, и многословие, свойственное в таких случаях язычникам, здесь неуместно.

В Библии есть много мест, где рассказывается о том, что во времена тяжких бедствий или когда готовились к какому-нибудь важному делу, объявляли пост на несколько дней, в продолжение которого народ, одевшись во вретища (покрывала из грубой ткани) и посыпав голову пеплом, воздерживался от пищи и просил у Бога милости и помощи. Нужно сказать, что еврейские названия поста прежде всего указывают на смирение и сокрушение сердца. Однако люди очень быстро поняли, что пост внешний гораздо легче и выгоднее внутреннего, сердечного. Тем более, что за это можно получить от ближних похвалу за благочестие. Уже пророки часто напоминали народу о том, что внешний пост без истинного покаяния и обращения ни к чему не ведет (Ис. 58: 3; Иер. 14: 12; Зах. 7: 5). Поэтому Спаситель учит народ, что пост должен быть обязательно тайным, внутренним расположением человека в его отношениях к Богу. Пост, таким образом, это отречение человека от всего земного ради сосредоточения всего своего внимания на Боге и, в связи с этим, исправление своей греховной жизни. Интересно отметить, что перед поучением о посте Христос говорит о необходимости прощать людям

их прегрешения. И хотя это текстуально связано с молитвой «Отче наш», в которой говорится: «и прости нам долги наши, как и мы прощаем должником нашим», — в Церкви существует обычай вступать в Великий пост, попросив друг у друга прощения. Этим подчеркивается, что главное в посту — это смирение и сокрушение сердца.

Эти три поучения о милостыне, молитве и посте ясно выделяются Христом. Везде Господь сосредотачивает наше внимание на необходимости внутреннего делания, везде Он противится тому, что делается напоказ. И все эти поучения оканчиваются одними и теми же словами: «И Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

Начиная с 19-го стиха Господь обращает внимание слушающих на очень важный момент человеческой жизни: на то, как нужно относиться к материальным и духовным ценностям. Христос утверждает первенство всего духовного, потому что, в отличие от различных земных благ, к которым так часто стремится человек, оно вечно. Забота о материальном благополучии часто уводит человека с истинного пути, он забывает, ради чего ему дана жизнь, его сердце прилепляется к различного рода богатствам и удовольствиям. Христос подчеркивает, что для человека чрезвычайно важно знать, какие жизненные ценности являются основными, а какие носят второстепенный характер. Потому что, «где сокровище ваше, там будет и сердце ваше», — говорит Господь. И нельзя одновременно «служить Богу и мамоне». Мамона — сирийское божество, которое почитали как бога — покровителя земных сокровищ или благ, или вообще богатства, подобное Плутосу у греков. Поэтому человек, считающий для себя возможным посвящать свою жизнь собиранию земных богатств и одновременно угождать Богу, жестоко ошибается. Ведь нельзя же действительно хорошо служить двум начальникам, требования которых совершенно противоположны. И именно поэтому так важно человеку иметь в жизни ясные и правильные цели и намерения, иметь «ясное око». Потому что если ошибочны сами стремления человека, то каковы же будут его дела? Можно вспомнить ап. Павла, который писал: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злого, которого не хочу, делаю. Бедный я человек». Задача христианина — освободиться от рабства злу. А если в человеке с самого начала присутствует стремление к злему и ошибочному?... Вот почему Господь восклицает: «Если свет, который в тебе тьма, то какова же тьма». Господь влечет нас к небесному и вечному, а богатство к земному и тленному. Поэто-

му, чтобы избежать такой двойственности, мешающей делу вечного спасения, надо отказаться от чрезмерных, излишних, беспокойных, томительных забот о пище, питье и одежде, — таких забот, которые поглощают все наше время и внимание и отвлекают нас от забот о спасении души. Если Бог так заботится о неразумной твари, давая пищу птицам и роскошно одевая полевые цветы, то тем более не оставит Он без всего необходимого для земной жизни человека, созданного по образу Божию и призванного быть наследником Царствия Божия. Но, однако, нельзя это понимать как призыв к ничегонеделанию. Труд всегда имел очень большое значение в жизни человека. Он заповедан еще в раю, как участие в Божественном творчестве. Здесь же расставляются акценты, уточняется иерархия ценностей: «Ищите прежде Царствия Божия и правды Его», — говорит Господь.

И еще Христос призывает нас не быть слишком строгими судьями по отношению к нашим ближним. Правда, это совсем не значит, что христианин не имеет права иметь суждение о поступках других людей. «И так что же? — спрашивает св. Иоанн Златоуст, — если кто-нибудь соблюдает, то неужели мне не говорить, что худо блудодеяние, и неужели не следует исправлять распутника? Исправляй, но не как враг, требующий возмездия, но как врач, прилагающий лекарство. Спаситель не сказал, не останавливай грешника, но: не суди, т. е. не будь жестоким судьей». Таким образом, Христос здесь обличает то зло, когда люди, и притом, часто лучшая их часть, никогда и ничего больше не слушают и ни о чем не говорят так охотно, как об ошибках других людей. В этом смысле не лишне будет напомнить древнее изречение Цицерона: «Видеть пороки других и забывать о своих свойственно глупцам». Безусловно, строго осуждать других людей — это непозволительная крайность. Но, с другой стороны, нельзя быть и слишком снисходительным к людям нечестивым, бессовестным. Нельзя, вступая с ними в общение, стараться просветить их, предлагая им то, что свято. «Поучающий кощунника наживает себе бесславие, и обличающий нечестивого — пятно себе. Не обличай кощунника, чтобы он не возненавидел тебя; обличай мудрого, и он возлюбит тебя» — поучал древний составитель книги Притч (9: 7—8). Таким образом бросать жемчуг перед свиньями — это другая крайность, против которой предостерегает Христос.

И еще раз Господь напоминает о необходимости для человека стремиться к истинному Богу. «Просите, и дано

•будет вам; ищите, и найдете; стучите и отворят вам» (Мф. 7: 7). Конечно, из контекста этого поучения видно, что Господь здесь имеет в виду не только ценности духовного порядка. Но все-таки надо помнить, что главное, к чему мы должны стремиться и о чем просить Отца нашего Небесного — это мир Божиего Царства, который ниспосылается нам Христом в Духе Святом!

В заключение наставлений об отношении нашем к другим людям Господь изрекает правило, которое называют «золотым»: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». В этом — «закон и пророки», ибо любовь к людям есть отражение любви к Богу.

Выражения, близкие по смыслу, можно найти у Аристотеля и Конфуция, у Будды и Сенеки, у Филона и Гиллела. Однако у Аристотеля это правило ограничивается отношениями с друзьями, тогда как Христос имеет в виду всех людей. Что же касается всех остальных, то у них это правило имеет отрицательный характер. Кроме того, Христос и не настаивает на абсолютной новизне этой формулы. Он предлагает ее как обобщение Божественного закона и пророков, которые уже были известны иудеям издревле.

С 13-го стиха 7-ой главы начинается послесловие Нагорной проповеди. Здесь Христос напоминает о трудностях следования Его заповедям, ибо «тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь». Он предостерегает от лжепророков, которые могут казаться святыми, а внутри будут подобны хищным волкам. Таких людей можно узнать по результатам их дел. Христос предупреждает также Своих последователей: «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего небесного» (Мф. 7: 21). Только исполняющий заповеди Христовы на деле может устоять в час нашедших на него, подобно буре, тяжких искушений. А не исполняющий заповеди легко впадает в отчаяние и погибает. Поэтому в церковных песнопениях мы просим Христа, чтобы Он утвердил нас «на камени заповедей Его».

3. МОЛИТВА ГОСПОДНЯ

Каждое слово молитвы Господней имеет глубочайший богословский смысл и в то же самое время она доступна для детского восприятия. Молитва Господня неподражаема по своей простоте, безыскусности, содержательности и глубине. Это начало всякой молитвы. Сам Христос в Гефси-

манском саду молился, произнося, собственно, эту молитву («да будет воля Твоя» и «не введи нас во искушение»), выражая те же самые мысли в несколько других словах. Также и Его «прощальная молитва» может считаться продолжением и истолкованием смысла молитвы «Отче наш».

В церковной литературе эта молитва встречается в памятнике начала II-го века «Учение 12 апостолов». Здесь есть также рекомендация читать эту молитву три раза в день. Это прежде всего связано с тем, что автором «Учения 12-ти апостолов» был, скорее всего, христианин иудейского происхождения, а у иудеев, как позднее и у магометан, были определенные часы молитвы — 3-ий, 6-ой, 9-ый дня, по-нашему это будет 9, 12 и 15.

Молитва начинается словами «Отче наш, иже еси на небесах» («Отец наш небесный...») В этом обращении все имеет значение. Каждое слово содержит глубочайшее содержание. Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что Христос предлагает невидимого, непознаваемого, абсолютно недоступного в своем существе Бога называть Отцом. Нельзя сказать, что по форме это обращение к Богу выглядело необычным. Мы знаем, что в Ветхом Завете люди иногда называются «сынами Божиими». Кроме того, там встречаются и прямые названия Бога Отцом, как, например, в 32 главе 6 стиха книги Второзаконие, где говорится: «...Не Он ли Отец твой, Который усвоил тебя, создал и устроил тебя?» Да и не только евреи, но и язычники называли, например, Зевса или Юпитера отцом. В «Тимее» Платона есть место, где Бог называется Отцом и Творцом мира. А в древнейших языческих религиозных представлениях есть такие, например, выражения: мать-земля, отец-небо... И все же, то Отчество, которое предлагает Христос, имеет совершенно иное содержание. Отношение Бога к Израилю, да и ко всему человечеству, было всегда одинаковым, всегда Отческим. Ветхозаветный же человек находился в положении блудного сына, оставившего своего отца. И вот через Христа человек возвращается к Богу, своему Небесному Отцу, получает новое усыновление. В Евангелии Христос часто говорит «Отец Мой» или «Отец ваш», но выражение «Отец наш» — единственное. Он как бы включает Себя в молитву всей Церкви и каждого в отдельности к Небесному Отцу. Свое завершение такая молитва находит в таинстве Святой Евхаристии. В молитве Евхаристического канона священник, поднимая Святые Дары, возглашает: «Твоя от твоих Тебе приносяще о всех и за вся».

То, что Христос называет Бога Небесным Отцом, также имеет очень большое значение. Прежде всего здесь подчеркивается, что молитва обращена именно к Богу, а не к какому-то иному земному существу, пусть даже самому совершенному и любимому. Кроме того, небо всегда было для древнего человека символом безграничности и необъятности, оно казалось ему мистически загадочным, и поэтому слово «Небесный» в данном контексте является синонимом слову «Божественный». «Если желаешь иметь Бога Отцом,— говорит бл. Феофилакт,— смотри на небо, а не на землю, как бессловесные». Та же самая мысль выражается в церковном возгласии «Горе имеем сердца».

В древности имя, которое давалось живому существу или какому-либо явлению или предмету, имело очень большое значение. Имя — это не только целостная характеристика, это еще и символ, знак, отражающий суть явления. Мы помним, как Господь, сотворив Адама, привел к нему всех животных, чтобы человек дал им всем имена. Этот многозначительный сюжет Библии говорит прежде всего о том, что человеку дана была способность видеть суть вещей. Как существу ограниченному, человеку не дана способность постигать сущность Божественную. Человек познает Бога прежде всего посредством опытного соприкосновения с окружающим его миром. Этот мир, сотворенный Богом, свидетельствует о своем Творце. Но высшим свидетельством Славы Божией является человек — венец творения. Однако, являясь проводником зла в мире, человек не может возвещать Славу Божию. Только когда он становится пристанищем благодати Божией, распространителем добра, мира и любви, когда он уподобляется Богу во Христе Иисусе — только тогда прославляется в нем имя Божие. Слова молитвы Господней «Да святится имя Твое» несут в себе именно такой смысл. Имя Божие святится, или прославляется тогда, когда человек отвергает прежний образ жизни ветхого человека и облекается в человека нового, «созданного по Богу, в праведности и святости истины» (Еф. 4: 24). И блаж. Августин поясняет эти слова молитвы Господней в том же смысле. «Да прославляется Бог жизнью нашей. Ибо того просим, чтобы то, что само в себе всегда свято, свяtilось бы и в нас». Лучше всего объясняют эти слова молитвы разъяснения Самого Иисуса Христа, который в Нагорной проповеди уже говорил об этом: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5: 16).

«Да придет Царствие Твое». В своем толковании молитвы Господней св. Григорий Нисский говорит, что это прошение можно прочесть еще и по-другому, а именно: «Да низойдет Твой Святой Дух на нас и очистит нас», и что, согласно Священному Писанию, присутствие Святого Духа в человеке и означает присутствие Христа и Царства Божия.⁴ Поэтому и Христос, отвечая на вопрос фарисеев, говорит, что Царствие Божие не придет приметным образом; «и не скажут: «вот, оно здесь», или: «вот, там». Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 20: 21). Поэтому Царствие Божие нельзя представлять себе в материальном смысле. Царство Божие — это суть облагодатствованной души, это радость от осознания своего участия в осуществлении замыслов Божиих. Царство Божие рождается и возрастает в человеческой душе постепенно, как горчичное зерно, брошенное в землю сада, постепенно вырастает в большое ветвистое дерево, в котором птицы небесные устраивают себе гнезда. Этот прекрасный символ напоминает нам образ райского сада. В точном переводе рай — это место, где произрастает чудный сад. И в этом смысле вся человеческая история, по замыслу Божию, есть постоянное украшение этого сада. В этом божественном творчестве человек занимает центральное место. Он является свободным соучастником этого великого, потрясающего воображение процесса. Но это вселение и произрастание в духовном саду Царства Божия возможно лишь при благодатной помощи Божией. Когда человек уходит от Бога, пытается строить мир, в том числе мир своей души, без Бога — Небо оказывается для него недостижимой целью, а вместо прекрасного сада в его душе постепенно воцаряется свалка всяческих нечистот. Эта нечистота распространяется вокруг таких людей, превращая весь прекрасный Богом созданный мир в огромную помойку. Христос пришел на землю для того, чтобы остановить это загрязнение человеческой души. Сохранить свободу тем, кто стремится к истинной Красоте. Поэтому самое главное богослужение Православной Церкви, в котором все собрание верующих становится участником в Теле Христовом через причастие Святых Христовых Тайн, начинается словами: «Благословенно Царство...» Эта реальность человеческой души осуществляется постепенно, в процессе жизни. Жизнь многих святых людей показывает нам, что этот идеал осуществим уже здесь, на земле. И осуществление его находится в связи с молитвой о том, чтобы свяtilось имя Божие.

«Да будет воля Твоя...» — эти слова кажутся чрезвычайно простыми, но в то же самое время они содержат глубочайший религиозно-нравственный смысл. В церковном языке очень распространено такое выражение: раб Божий. Понятно, что это выражение соответствовало тем социальным отношениям, которые существовали в те времена, когда создавалась наша религиозная литература. Однако основной смысл этих слов имеет огромное значение и сегодня. В обычных отношениях рабство — это нечто унижительное. Но когда мы говорим о рабстве Богу, к Которому приложимы во всей полноте такие понятия, как жизнь, истина, любовь, мир, свобода — это приобретает совсем другой смысл. В самом деле, разве унижительно быть рабом любви, истины и свободы? Поэтому Христос, имея в виду Своего Небесного Отца, говорит: «Моя пища есть творить волю пославшего Меня» (Ин. 4: 34). Мы хотим исполнения воли Божией, потому что непреложно верим, что это и есть наибольшее благо для нас. Но с другой стороны, когда мы молимся об исполнении Его воли, это накладывает на нас очень большую ответственность. Ведь тогда мы и сами должны быть каждодневными исполнителями Его святой воли. Однажды спросили святого, почему многие христиане бывают расстроенными, раздраженными, неуравновешенными и даже жестокими, он ответил, что причина только одна: эти люди изо дня в день молятся «да будет воля Твоя», но на самом деле сами изо всех сил противятся Божией воле, и поэтому всегда находятся в дурном расположении духа. Если мы настоящие христиане, то должны стремиться к тому, чтобы Бог всегда был в нашем сердце. Чтобы мы могли когда-нибудь воскликнуть вместе с ап. Павлом: «И уже не я живу, но живет во мне Христос!»

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь». По словам св. Иоанна Златоуста, «Спаситель повелел молиться не о богатстве, не об удовольствиях, не о драгоценных одеждах, но только о хлебе, и притом о хлебе дневном,— так, чтобы нам не заботиться о завтрашнем». Произнося эти слова. Господь, без сомнения, имел в виду и прекрасную молитву Соломона, в которой указывается на золотую середину между богатством и бедностью: «Нищеты и богатства не давай мне,— питай меня хлебом насущным» (Притч. 30: 8). Однако мы не должны забывать и слова Христа о том, что «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4: 4). Но особенно важно помнить слова Спасителя, о которых нам напоминает св. Киприан Карфагенский. «Я хлеб живой, сшедший с

небес; ядуший хлеб сей будет жить во век» (Ин. 6, 51). Таким образом, мы можем сказать, что Христос имеет в виду не только нечто материальное, необходимое человеку для земной жизни, но и вечное, необходимое для жизни в Царстве Божием, Самого Себя, предлагаемого в Евхаристии.

«И остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должникам нашим», «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим», — эти слова были разъяснены Спасителем сразу же после окончания молитвы. «Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6: 14—15). Наиболее ярким толкованием этих слов является притча о немилосердном рабе (Мф. 18: 23—35). Эта притча начинается словами: «Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитать с рабами своими...» Это не значит, конечно, что Бог как на счетах подсчитывает грехи и милости наши, чтобы в конце вынести свой приговор. Дело в другом. Чтобы стать членом Царствия Божия, человек должен иметь милующее сердце, способное прощать прегрешения ближним. Тот, кто не умеет этого делать, является как бы существом другого рода, не имеющим ничего общего с Богом, который есть Любовь. Поэтому притча эта заканчивается строгим предостережением: «Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его».

«И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого». На первый взгляд, первая часть этого предложения противоречит словам апостола Иакова: «В искушении никто не говори: «Бог меня искушает»; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого» (Иак. 1: 13). Но в другом месте (1: 2) тот же апостол говорит: «С великою радостью принимайте, братья мои, когда впадаете в различные искушения». Ясно, что апостол не может противоречить самому себе и, тем более, Христу. Кроме того, мы знаем, например, из Ветхого Завета, что «Бог искушал Авраама» (Быт. 22: 1). Для того, чтобы объяснить это кажущееся противоречие, необходимо признать, что Бог попускает зло в некоторых случаях, но никогда не может быть его виновником. Особенно ясно это видно из первой главы книги Иова, где диавол является виновником всякого зла для него, Господь же только попускает эти искушения ради утверждения возможности человеческой святости и славы Божией.

«Испытай меня, Боже,— восклицает древний псалмопевец,— и узнай сердце мое» (Пс. 438: 23). Таким образом, искушения могут быть благими, спасительными для человека, но в данном случае, в молитве Господней, имеются в виду искушения, которые ведут к гибели, т. е. дьявольские искушения, поэтому мы и должны просить, чтобы Бог избавил нас от них. И вообще, от всякого зла. Ведь лукавый это тот, кто является причиной всякого зла. Представляет это зло как бы добром для нас, тем, что кажется на первый взгляд полезным и приятным, но на самом деле ведет к физической и духовной гибели. Поэтому этот текст правильно будет понимать таким образом: охраняй нас от дьявольских искушений и избавь нас от всякого зла.

Оканчивается молитва Господня славословием Богу: «Ибо Твое есть Царство и сила и слава во-веки. Аминь».

4. ЧУДЕСА ИИСУСА ХРИСТА

Понятие о чуде. Содержание понятия о чуде состоит из трех существенных признаков. Прежде всего чудо есть внешний, объективный факт, т. е. факт, принципиально доступный для восприятия органами внешних чувств наблюдателя. Отсюда ясно, что никакие внутриспсихические переживания, пусть даже и исключительно религиозного содержания (т. е. вещие сны, сбывшиеся предчувствия), не могут подходить под понятие о чуде.

Вторым признаком чуда является невозможность объяснить происхождение чудесного факта естественными причинами. Против этого положения существует следующее скептическое возражение: только тогда, когда человечество откроет все природные законы, т. е. когда люди достигнут абсолютного знания, и можно будет судить, есть ли необъяснимые естественными причинами факты или нет; до тех же пор надо пребывать в состоянии сомнения. И психологически, и теоретически эта скептическая установка выглядит очень сильно, но с точки зрения практики она не имеет никакого значения, ибо к практике она совершенно не приложима. Поэтому как защитники действительности чудес, так и противники дружно это скептическое положение игнорируют. Противники чуда обосновывают свою позицию отрицанием существования не объяснимых естественными причинами фактов. Это означает, что они по сути дела объявляют себя носителями абсолютного знания, причем такого абсолютного знания, которое уже выяснило, что ничего необъяснимого для него нет. Очевидна несущ-

разность такой позиции противников чуда. Правда, и защитники чуда нередко совершают аналогичную ошибку, когда поспешно утверждают, что такой-то факт принципиально не объясним естественными законами и потому имеет причину в непосредственном вмешательстве Бога в жизнь природы. Чтобы избежать подобной ошибки, надо остановиться на более умеренном и осторожном утверждении: невозможность объяснить какой-либо факт наличными естественно-научными знаниями может дать повод для признания этого факта чудом, но при условии благотворных нравственно-религиозных последствий этого признания.

Итак, чудо есть внешне-объективный факт, рационально необъяснимый и в той или иной мере содействующий нравственно-религиозному совершенствованию людей.

Возможность чуда. Вопрос о возможности чуда есть вопрос о том, вполне ли мыслимо чудо в системе мировоззрения или оно есть только словесное обозначение для некоего иррационального пункта, который именно в силу этой своей иррациональности и нетерпим в правильном мировоззрении. Этот вопрос просвещенные противники чуда старательно выдвигают в убеждении, что при его решении их позиция особенно сильна. Позиция же эта заключается в следующем: научное мировоззрение является единственно истинным; оно строится на признании всеохватывающего действия законов природы, а это означает, что вне действия этих законов ничего не существует; понятие же о чуде предполагает нарушение или временную приостановку действия законов природы; поэтому понятие о чуде нетерпимо в научном, единственно истинном, мировоззрении; если же понятие о чуде все же имеется в каком-либо ином мировоззрении (например, религиозном), то это является верным признаком его ненаучности, а значит и его ложности. Нельзя отказать этой точке зрения в сильном психологическом воздействии, чем и объясняется ее широкое распространение. Но в чисто теоретическом отношении она несостоятельна из-за по крайней мере двух крупных ошибок. Первая ошибка состоит в том, что приверженцы разбираемой точки зрения предполагаются обладателями предельного научного знания, т. е. познавшими все без исключения законы природы, в то время как такого знания фактически не существует. Из бесспорного отсутствия в настоящее время предельного научного знания неизбежно следует принципиальное отрицание самой возможности осуществления по-настоящему научного мировоз-

зрения в настоящее время. Такая возможность появится только в момент открытия последнего закона природы, т. е. в момент окончательного укомплектования предельного научного знания. Вторая ошибка та, что претенденты на научное мировоззрение, не дожидаясь наступления его фактического осуществления, не только объявляют о существовании этого научного мировоззрения, но идут гораздо дальше — утверждают, что для научного знания нет ничего непознаваемого. Но откуда они это знают? Ведь вполне может случиться, что по достижении человеком предельного научного знания выяснится, что какая-то, меньшая или большая, часть действительности окажется вне познавательной способности человека, вне его рационального усвоения. Во всяком случае, для претендентов на научное мировоззрение окончательное решение вопроса о существовании или несуществовании принципиально непознаваемого должно быть отложено до момента приобретения предельного научного знания. До этого же момента должно быть отложено для них и решение вопроса о возможности чуда.

С христианской точки зрения, вопрос о возможности чуда является надуманным и лишенным всякого практического значения. Постановка этого вопроса имеет в виду выработку исключительно рационального, т. е. совершенно прозрачного для ума и потому легко понятного во всех деталях мировоззрения, обычно называемого научным. Уже в самом этом намерении заключается искусственность, ибо мировоззрение не является самоцелью: его ценность не в теоретической безупречности, а в его способности направлять и налаживать практическую жизнь людей, личную и общественную. Поэтому вопрос о возможности чуда имеет смысл для христианина только в следующей формулировке: в чем истинная причина чуда? Ответ предрешен. Как религия христианство основывается на понятии о всемогущем Боге. Поэтому всякое благотворное событие в мире является прямым или косвенным результатом этого божественного всемогущества, в том числе и каждое чудо. При всей своей теоретической непритязательности этот христианский ответ на вопрос о возможности чуда вполне гармонирует со всей системой христианского мировоззрения, доказавшего свою жизнеспособность двухтысячелетней своей историей.

Действительность чуда. Вопрос о действительности чуда есть вопрос о том, достоверны ли сами факты чудес или нет. Убедиться в достоверности какого-либо

факта чуда, как и вообще любого объективного факта, можно двумя способами: или непосредственно воспринимая этот факт органами внешних чувств, или узнавая об этом факте через свидетельства очевидцев. Если имеет место непосредственное восприятие органами внешних чувств факта чуда, то вопрос о его достоверности разрешается без всяких затруднений, ибо каждый человек обладающий естественным здравым смыслом и более или менее нормальными органами внешних чувств, может вполне уверенно констатировать фактическое наличие чуда. Но вопрос о достоверности чуда резко затрудняется в своем решении для того, кто никогда не был непосредственным наблюдателем фактов чудес и потому поставлен перед выбором верить или не верить свидетельствам других людей о чудесах. Трудность здесь в том, что критерий, позволяющий четко отделить истинные свидетельства о чудесах от неистинных, не очевиден. В сущности, единственной решающей инстанцией в этом вопросе становится обычный житейский здравый смысл. Природа же обычного житейского здравого смысла состоит в склонности признавать действительным лишь привычное и отрицать действительность необычного. А так как чудо есть явление крайне необычное, то отсюда следует и крайне недоверчивое отношение житейского здравого смысла ко всем свидетельствам о фактах чудес. Но подобное решение вопроса о действительности чуда слишком успешно. Дело в том, что свидетельства о чудесах являются таким же историческим материалом, как и свидетельства о любых других фактах, которые в подавляющем своем большинстве как раз и говорят именно о незнакомом, необычном и непривычном. И было бы последовательным для приверженцев житейского здравого смысла, понимаемого как склонность считать действительным только привычное, начисто отвергать все свидетельства, чего бы они ни касались, выходящие за рамки обычных и хорошо знакомых представлений. Но тогда надо было бы отвергнуть ни много ни мало, всю историю как науку. Однако этого приверженцы житейского здравого смысла никогда не делают. И не делают потому, что склонность признавать лишь привычное действительным в истории, как и во всякой другой науке, не имеет существенного значения. Научный метод совсем в другом — прежде всего, в бесстрастной констатации факта и, затем, в попытке его объяснить. Объяснение может состояться, а может и нет, и при этом достоинство науки принципиально не поколеблется. Но без констатации

факта никакой науки состояться не может. А ведь история как раз и есть прежде всего беспристрастная констатация фактов человеческой жизни, в том числе и фактов чудес. Конечно, помимо действительных исторических фактов, историки имеют дело и с фактами мнимыми; необходимость отделения истинных фактов от ложных является важнейшей задачей исторической науки. Но осуществляется это различие чисто научным способом — исторической критикой. Так что если фазу исторической критики какое-либо свидетельство о факте чуда прошло, то факт этот должен признаваться вполне достоверным.

Евангельские чудеса. Исторические сведения о чудесах Иисуса Христа содержатся в основном в Евангелии. Чудеса эти характеризуются по-разному. Иногда они называются «δύναμις» («силы»). Например: Мф. 11: 20—21, 23; 13: 58; Мк. 6: 5, 14; Лк. 10: 13. Название это подчеркивает в чудесах Иисуса Христа проявления божественной силы, божественного всемогущества. Иначе говоря, слово «силы» подчеркивает в чудесах Иисуса Христа онтологический момент.

В других местах евангельского текста чудеса называются «σημεῖα» («знамения»). Например: Мф. 12: 38; Мк. 8, 11—12; Лк. 11: 16; Ин. 2: 18; 6: 30. Этим словом подчеркивается телеологический момент в чудесах Иисуса Христа, т. е. подчеркивается значение чуда для доказательства божественного достоинства его совершителя.

По крайней мере один раз в Евангелии чудеса называются «τέρατα» (собственно «чудеса», т. е. удивляющие своей необычностью происшествия) — Ин. 4: 48. Таковым наименованием подчеркивается внешне поражающий характер чудес Иисуса Христа, их способность вызывать у прямых наблюдателей сильнейшее изумление. Иначе говоря, данным названием внимание обращается на психологический момент евангельского чуда.

Все эти три момента в своей совокупности составляют евангельское понятие о чуде: чудо есть внешне объективный факт, совершающийся божественною силою (онтологический момент) ради достижения благотворных нравственно-религиозных целей (телеологический момент) и иногда поражающий непосредственных свидетелей своей необычностью (психологический момент). Нетрудно заметить, что между этим евангельским понятием о чуде и теоретически выработанным понятием о чуде (см. статью «Понятие о чуде») большое сходство: в теоретически выработанном понятии о чуде отсутствует лишь т. н. пси-

хологический момент, но отсутствует он по той причине, что считать его неотъемлемым признаком чуда с теоретической точки зрения нет достаточных оснований (хотя именно чудеса Иисуса Христа все вызвали сильнейшее изумление у непосредственных наблюдателей).

Для полного понимания характера евангельских чудес Иисуса Христа следует обратить внимание на то, что Сам Христос не называл Своих чудес ни силами, ни знамениями, ни собственно чудесами, но называл их «делами» («εργα»). Причем, это название Христос ставил в тесную связь со Своей оценкой роли Своих чудес в осуществлении Своего мессианского призвания: «Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте мне; а если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим» (Ин. 10: 37—38). Это значит, что Христос видел в Своих чудесах необходимое практическое осуществление и подтверждение тех теоретических положений, которые Он излагал в Своем словесном учении. Теоретических положений в учении Христа много, и все они обладают чрезвычайной ценностью для человеческой жизни. Однако исключительным по важности в евангельском учении является положение, что Христос есть Сын Божий, т. е. что Христос обладает несомненным божественным достоинством. Истина эта лежит в основании христианского вероучения. Практическим подтверждением этой истины явилось чудо Воскресения Христова.

5. ОЧИСТИТЕЛЬНАЯ ЖЕРТВА ИИСУСА ХРИСТА

В Божественном домостроительстве спасения рода человеческого важнейшее значение имеет жертва, которую принес Господь наш Иисус Христос Своею смертью на Кресте. Это жертва особая, единственная в своем роде, неповторимая, с которой ни в коей мере не могут сравниться ветхозаветные жертвы, и к которой нельзя применить определения, имеющие отношение к последним. Многообразные жертвоприношения Ветхого Завета, кровавые и бескровные (всесожжения, жертвы повинности, мирные жертвы, хлебные приношения и другие виды жертв), совершались согласно подробным предписаниям многократно и в зависимости от разнообразных обстоятельств жизни отдельного человека и всего народа (Лев. гл. 1—9). Кроме того, однажды в год приносились нарочитые жертвы — в определенный день, который назывался днем очищения (Лев. гл. 16). Все эти жертвы не избавляли от греха, но питали надежду на прощение и вселяли утешение и от-

раду в ожидании действительного грядущего избавления. Поэтому все множество жертвоприношений, как и все внешние предписания и обряды ветхозаветного закона, утратили всякое значение (Евр. 9: 10), когда Христос принес Себя в жертву на Кресте, принес единойжды (Евр. 7: 27) и за всех людей, за все человечество.

Исключительное и непреходящее значение крестной жертвы Христовой проистекает из того, что принесший ее является Первосвященником, пребывающим вечно (Евр. 7: 23), Который превознесен выше небес (Евр. 7: 26) и не имеет нужды повторять жертвоприношение (Евр. 7: 27). И это дает твердое основание св. ап. Павлу утверждать, что Христос как «Первосвященник будущих благ, приидя... не с кровью козлов и тельцов, но со Своею кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление», и что поэтому «Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному» (Евр. 9: 12, 14).

В Ветхом Завете было установлено еще одно жертвоприношение, связанное с исходом народа Божия из Египта, а именно, заклание пасхального агнца (Исх. гл. 12), в котором усматривается прообраз Христа (Ис. 53: 7). Поэтому слово Божие и говорит, что «наша Пасха, Христос, заклан за нас» (1 Кор. 5: 7). В этой связи знаменательно, что Господь установил величайшее христианское таинство, имеющее прямое отношение к Его голгофской жертве, в день опресноков, «в который надлежало заколоть пасхального агнца» (Лк. 22: 7; Мф. 14: 12), когда Христос в преддверии Своих спасительных страданий сказал: «сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26: 28). В этот день, накануне Своих крестных страданий, вместо обычной пасхальной трапезы с вкушением агнца Христос совершил Тайную Вечерю, которая приоткрыла грядущую жертву за жизнь мира. На Вечере Господь показал Своим апостолам, что приносимая Им жертва исполняет и завершает прообраз, каковым был непорочный агнец, заколаемый во время ветхозаветной пасхи в воспоминание и благодарность за избавление богоизбранного народа от египетского рабства. Приближалось исполнение того, что было предсказано об Исккупителе пророком Исайей за семь веков до н. э.: «Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни... Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего на Нем, и ранами Его мы исцелились» (Ис. 53: 4—5). Осу-

ществлялось то, что предвидел Предтеча Христа Иоанн Креститель, сказавший о пришедшем в мир Спасителе: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1: 29).

В соответствии с этим прообразом в богослужебных текстах Православной Церкви утверждается действительность его осуществления во Христе. Это особенно ярко проявляется в пасхальных песнопениях, в которых воспеваются «пасха нова святая, пасха таинственная, пасха всечестная, пасха — Христос избавитель...» (Стихиры Пасхи); «Христос — новая пасха, жертва живая, Агнец Божий вземляй грехи мира» (Припев на 9-ой песни канона).

Вместе с тем, все приведенные тексты о жертве Христовой показывают, что в понятие об этой жертве вкладывается новый смысл, присущий только ей как добровольно приносимой Самим Христом. И поэтому она по существу является самопожертвованием, в основе которого лежит Божественная любовь к людям. Священное Писание прямо говорит о том, что во Христе Иисусе Бог изливает на грешный мир «преизобильное богатство благодати Своей в благодати» к нему (Еф. 2: 7) и «по Своей великой любви» (Еф. 2: 4) оживотворяет и спасает людей, «мертвых по преступлениям и грехам» (Еф. 2: 5, 1).

Следует также иметь в виду, что смерть Христова для спасения мира в слове Божиим редко прямо называется жертвою (Рим. 3: 25; Еф. 5: 2; Евр. 9: 26 и 28). Чаще она именуется искуплением, т. е. таким понятием, которое применялось к обычным жертвоприношениям. Однако по отношению к крестной смерти это понятие должно иметь более глубокий смысл, так как греческие слова «литрон», «литросис», употребляемые в разных местах Священного Писания (Мф. 20: 28; Мк. 10: 45; Евр. 9: 12; Рим. 3: 24; 1 Кор. 1: 30 и др.) означают не только искупление, но и освобождение и избавление. То же надлежит сказать и о греческом слове «иластирион» (1 Ин. 2: 2; 1 Ин. 4: 10; Рим. 3: 25), которое содержит в себе понятие не только об умилоствлении, но и об очищении. Поэтому когда речь идет о крестной смерти Христовой как искуплении и умилоствлении, необходимо видеть в этом указание слова Божия на то, что она приносит очищение от греха, дарует освобождение и избавление от рабства греху.

Раскрывая спасительное значение крестной смерти, Священное Писание указывает не только на ее жертвенный характер, но и говорит о ее благотворных для всего человечества последствиях. Смерть Христова, став явлением

правды Божией (Рим. 3: 16), принесла людям искупление (1 Кор. 6: 20; Гал. 3: 13; Тим. 2: 6), прощение грехов (Мф. 26: 28; Рим. 3: 25; Еф. 1: 7; Кол. 1: 14), оправдание (2 Кор. 5: 21) и примирение с Богом (Рим. 5: 10; 2 Кор. 5: 19; Еф. 2: 14). Христос «пострадал за грехи наши, праведник за неправедных» (1 Пет. 1: 18; ср. 2 Кор. 5: 21), и потому все получили «оправдание даром... искуплением во Христе Иисусе, которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его чрез веру, для показания правды Его в прощении грехов, сделанных прежде» (Рим. 3: 24—25; ср. 5: 8—10; 8: 3; Гал. 3: 13; Еф. 1: 7; 5: 2; Кол. 1: 14; 1 Тим. 2: 5—6 и др.). В соответствии с этим и св. Афанасий говорит, что Сын Божий принес жертву за всех, вместо виновных предал Себя на смерть, чтобы освободить от ответственности за грех и даровать им оправдание (Слово о воплощении Бога — Слова, 25).

Крестной смертью Христос примирил людей с Богом (Кол. 1: 20; Рим. 5: 10) и «дал нам слово примирения» (2 Кор. 5: 19; ср. Рим. 5: 11). Примирение это означает восстановление союза между человеком и Богом, установление Нового Завета (1 Кор. 11: 25), в котором искупленные получают прощение и обетование наследия вечных благ (Евр. 9: 15).

Плодом крестной смерти является также избавление людей от власти греха. «Кровь Иисуса Христа... очищает нас от всякого греха» (1 Ин. 1: 7). Христос для того и пострадал, чтобы избавить человека от беззакония и очистить от греховной скверны (Тит. 2: 14), уничтожить грехи жертвою Своею (Евр. 9: 26) и освятить людей (Евр. 13: 12). Причем принесенная Христом жертва имеет всеобщее значение. Объясняя слова св. ап. Павла «дабы Ему (Христу), по благодати Божией, вкусить смерть за всех» (Евр. 2: 9; ср. 1 Ин. 2: 2), св. Иоанн Златоуст говорит: «не за верующих только, но за всю вселенную *. Он умер за всех. Что в том, что не все уверовали? Он исполнил Свое дело» .

Крестная смерть Христова открывает источник благословения Божия и всех благ, необходимых для блаженства человека. Крестом даруется обилие благодати (Рим. 5: 17) и открывается путь к жизни вечной (Рим. 6: 23). «Христос не только принес исправление в том, что повредил Адам, но совершил нечто гораздо большее и высшее,— говорит тот же св. Отец.— ...Ведь мы были освобождены от наказания, совлеклись всякого зла, были возрождены свыше,

* 1 Ин. 2: 2,

¹ Беседа 4, 2 на посл. к Евр. Творения, т. 12. СПб, 1906, с. 4!.

воскресли после погребения ветхого человека **, были искуплены, освящены, приведены в усыновление ***, оправданы, сделались братьями Единородного ****, стали Его сонаследниками... Все это Павел и назвал избытком благодати *****, показывая, что мы получили не только врачевство, соответствующее нашей язве, но и здоровье, красоту, честь, славу и такие достоинства, которые выше нашей природы.' Подобную мысль высказывает и преп. Иоанн Дамаскин: «не иным чем, как только Крестом Господа нашего Иисуса Христа, смерть ниспровергнута, прародительский грех уничтожен, ад лишен добычи, даровано воскресение, дана нам сила презирать настоящее и даже самую смерть, устроено возвращение к первоначальному блаженству, открыты врата рая, наше естество воссело одесную Бога, мы сделались чадами Божиими и наследниками. И все это устроено через Крест» (Точное изложение правосл. веры, кн. 4, гл. 11).

Хотя все перечисленные блага дарованы всему человечеству, но каждый человек, как существо, наделенное свободной волей, может получить их через свободное приобщение к ним для своего действительного возрождения водою и Духом (Ин. 3: 3—6), освящения (1 Кор. 6: 11) и обновления (Тит. 3: 3—5; Рим. 6,4). Самое тесное общение ео Христом и действительное восприятие благ, излитых на мир крестной смертью Спасителя, дается в таинстве Евхаристии, которая имеет тесную связь со спасительной смертью Христовой не только как ее возвешение (1 Кор. 11: 26) или воспоминание о ней (Лк. 22: 19), но и как принятие плодов очистительной жертвы в приобщении «во оставление грехов» (Мф. 26: 28) пречистого Тела и животворящей Крови Христовой, пролитой на Кресте.

В свете такого глубокого смысла того, что совершил Господь по Своей великой милости для духовного очищения и возрождения человечества, необходимо рассматривать и все события, непосредственно связанные с крестным подвигом Спасителя мира.

Рим. 6: 6; Еф. 4: 22; Кол. 3: 9. * Рим. 8: 15.

**** Евр. 2: 11. ***** Рим. 5: 17.

¹ Беседа 10, 2 на посл. к Рим. Творения, т. 9; с. 595, 596.

**6. О СУДЕ, СТРАДАНИИ, РАСПЯТИИ И СМЕРТИ НА
ГОЛГОФЕ.
СОШЕСТВИЕ ВО АД**

Накануне суда. Задолго до крестных страданий Иисус Христос начал открывать Своим ученикам, что «Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть» (Мф. 16: 21). А когда приблизилось время страданий, Христос сказал: «вот мы восходим в Иерусалим, и совершится все, написанное чрез пророков о Сыне Человеческом. Ибо предадут Его язычникам, и надругаются над Ним, и оскорбят Его, и оплюют Его, и будут бить и убьют Его...» (Лк. 18: 31—33).

Когда Христос с апостолами был уже в Иерусалиме и оставалось два дня до иудейской пасхи* Он снова предрек, что будет предан на распятие (Мф. 26: 2). В это время к первосвященнику Каиафе собрались старейшины и приняли решение тайно от народа взять Иисуса Христа и убить Его. Иуда Искариот, один из ближайших Его учеников, пришел к первосвященникам и согласился предать своего Учителя за тридцать сребренников, намереваясь улучшить удобный момент для свершения злого умысла. Обличая предателя, Господь сказал, что хотя все происходит согласно предсказанию пророков о Сыне Божиим, но «горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться» (Мф. 26: 24). Однако, несмотря на это обличение, Иуда не оставил своего намерения. Зная об уединенном месте в Гефсиманском саду, где Христос часто бывал со Своими учениками, он решил туда привести стражников.

Совершив Тайную Вечерю, Христос с апостолами пошел на гору Елеонскую и по пути вел с ними прощальную беседу. Он им сказал, что все они в эту ночь соблазнятся о Нем, а ап. Петр трижды отречется от Него (Мк. 14, 27, 30). Продолжая -наставления, Господь призвал учеников соблюдать Его заповеди и пребывать в любви, готовой на самопожертвование (Ин. 15: 10, 12—13). Хотя их впереди ожидает скорбь, но за нею последует радость, которую никто у них не отнимет (Ин. 16: 22).

Взойдя в Гефсиманский сад, Христос уединился и молился в ожидании страданий (Мф. 26: 36—39; Лк. 22: 42—44), а затем воззвал к Богу Отцу: «Отче! пришел час: прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя, так как Ты дал Ему власть над всякою плотью, да всему, что

Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную. Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа. Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить. И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира. Я открыл имя Твое человекам, которых Ты дал Мне, от мира... Я о них молю... Отче Святыи! соблюди их во имя Твое... Никто из них не погиб, кроме сына погибели, да сбудется Писание. Ныне же к Тебе иду и сие говорю в мире, чтобы они имели в себе радость Мою совершенную» (Ин. 17: 1—6, 9, 11, 12—13). После молитвы в предвидении крестных страданий Христос сказал апостолам: «встаньте, пойдем: вот приблизился предающий меня» (Мф. 26: 46). И действительно, в это время показался Иуда, а за ним множество людей с мечами и кольями, пришедших по поручению старейшин. Иуда со словами: «радуйся, Учитель!» — подошел ко Христу и поцеловал Его, давая тем самым знак воинам, кого следует взять. Апостол Петр вознамерился мечом защитить Учителя, но Господь запретил ему, указав на то, что взявшие меч от меча погибнут. Чтобы еще более вразумить учеников, Христос говорит, что Он не имеет нужды в такой защите, ибо по мановению Отца Небесного мог бы воспользоваться легионами Ангелов, но добровольно отдает Себя пришедшим, чтобы испить предназначенную чашу страданий (Мф. 26: 53—54; Ин. 18: 11).

Обращаясь к толпе, Господь с укоризной сказал: «как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня; каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня. Сие же все было,— замечает евангелист,— да сбудутся писания пророков» (Мф. 26: 55—56).

Суд над Христом. Когда Христа взяли и связали, ученики в страхе разбежались, оставив своего Учителя. Взятые Иисуса отвели Его к дому первосвященника Каиафы, где собрались книжники и старейшины. Ап. Петр следовал издали и, войдя во двор, сел со служителями, чтобы видеть, как будут развиваться события. Ап. Иоанн, который был известен в доме первосвященника, тоже пришел сюда и наблюдал за происходящим (Ин. 18: 15—16).

Хотя была глубокая ночь, замышлявшие убийство бодрствовали, чтобы спешно свершить суд. Св. Иоанн Златоуст замечает, что эти убийцы осмеливались на все и нарушали все законы. Так как они терзались жестокой яростью против Христа и, часто покушаясь убить Его, не могли

этого сделать ранее, то теперь, схватив Его ночью без лишних свидетелей, решились даже презреть закон о праздновании пасхи, чтобы исполнить свое коварное намерение. Вот почему и собрались все в столь поздний час и незамедлительно устроили судилище, пытаясь придать своим замыслам вид законности (На Мф. Беседа 84, 2).

Весь синедрион, созданный для суда над Христом, тщетно пытался найти убедительные свидетельства против Него, чтобы иметь основания предать Его смерти. Тогда многие стали лжесвидетельствовать, однако и их показания оказались недостаточными (Мк. 14: 55—59).

Первосвященник, видя, что Христос не отвечает на выдвигаемые обвинения, спросил Его, почему Он безмолвствует. Но Христос продолжал молчать, зная, что у синедриона приговор predetermined. И только когда первосвященник спросил: «Заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?», последовал ответ: «ты сказал; даже сказываю вам: отныне увидите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных» (Мф. 26: 63-64). Эти слова привели первосвященника в негодование. Он разорвал свои одежды и обвинил Христа в богохульстве за то, что Своим ответом Он признал Себя Сыном Божиим и отнес к Себе мессианские пророчества (Дан. 7: 13—14; Пс. 109: 1). Но Господь ответил именно так для того, чтобы отнять у обвинителей всякое извинение, так как Он всегда учил о том, что засвидетельствовано Им и теперь (Мф. 22: 41—45; Лк. 20: 40—44).

Обвинение в богохульстве вершители суда посчитали вполне основательной причиной для вынесения приговора, и члены синедриона огласили его: «повинен смерти» (Мф. 26: 66). Вслед за этим Христа подвергли оскорблениям: одни «плевали Ему в лицо и зашали Его; другие же ударили Его по ланитам и говорили: прореки нам, Христос, кто ударил Тебя?» (Мф. 26: 67—68).

Наблюдая такое унижение своего Учителя, присутствовавшие здесь апостолы, несомненно, пришли в сильное волнение. А ап. Петр был настолько смущен и растерян, что трижды отрекся от Христа, и только тогда вспомнил о предсказании Господа. Вспомнив же, вышел со двора и горько заплакал (Мф. 26: 74—75).

Когда настало утро, первосвященники и старейшины совещались о том, чтобы предать Христа смерти. Но, поскольку иудеи, находившиеся под властью Рима, не имели права осуждать на смерть, то повели связанного Христа

в преторию к римскому правителю Понтию Пилату с намерением добиться утверждения решения синедриона.

Между тем Иуда, увидев, что преданного им Господа ожидает казнь, раскаялся и сказал первосвященникам: «согрешил я, предав Кровь неповинную» (Мф. 27: 4). Но его раскаянием пренебрегли, и потому в отчаянии он бросил в храме сребреники, пошел и удавился.

Первосвященники, отвергнув с презрением покаяние предателя, представили Осужденного ими пред Пилатом как злодея, заслуживающего смерти (Ин. 18: 29—31). Они стали обвинять Христа, утверждая, что Он развращает народ и запрещает давать подать кесарю, Себя же Самого называет Христом-Царем (Лк. 23: 2). Пилат спросил Его: «Ты царь иудейский?», на что Христос ответил утвердительно, но на обвинения старейшин не отвечал (Мф. 27: 11—14). Обвинители не убедили Пилата, поэтому он заявил первосвященникам и народу, что не находит в Обвиняемом какой-либо вины (Лк. 23: 4). Однако они продолжали настаивать, что Христос возмущает всех от Галилеи до Иерусалима. Услышав о Галилее и удостоверившись в том, что на суд представлен Галилеянин, Пилат отослал Его к правителю этой области Ироду, который в то время находился в городе. Тот, увидев Иисуса, обрадовался, так как много слышал о Нем и надеялся увидеть от Него какое-либо чудо. Но на множество предложенных Иродом вопросов, как и на усиленные обвинения первосвященников и книжников, Христос не отвечал. Тогда Ирод со своими воинами, надругавшись над Ним, отослал Его обратно к Пилату (Лк. 23: 8—11).

Пилат, собрав первосвященников, начальников и народ, сказал им, что он тщательно рассмотрел все обвинения и не нашел Христа в чем-либо виновным, поэтому, наказав Узника, отпустит Его, согласно обычаю отпускать одного из узников на пасху. Но весь народ по наущению старейшин стал кричать: «Смерть Ему! а отпусти нам Варавву» (Лк. 23: 18). Варавва же был разбойник, посаженный в тюрьму за произведенное в городе возмущение и убийство. Поэтому правитель недоумевал и снова заявил о намерении отпустить Христа. Но толпа продолжала настаивать на своем и еще сильнее вопить: «распни, распни Его!» (Лк. 23: 21). Тогда Пилат, уступая требованию неистовствующей толпы, велел бить Христа, что незамедлительно исполнили воины. Они возложили на голову Христа терновый венец, одели Его в багряницу, стали бить Его по ланитам, говоря: «радуйся, Царь Иудейский!» (Ин. 19: 13). Они также били Его

по голове тростью, плевали на Него и насмехались (Мк. 15: 19).

После издевательств Пилат вывел Христа к народу, думая, что униженный вид Его умиротворит ярость толпы. Однако народ снова стал кричать, требуя распятия. В ответ на это правитель сказал: «возьмите Его вы и распните, ибо я не нахожу в Нем вины» (Ин. 19: 6). Однако иудеи возразили, говоря: «Мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим» (Ин. 19: 7).

Новое обвинение повергло Пилата в страх, поэтому он снова вошел в преторию и начал расспрашивать Христа с целью найти основание, чтобы отпустить Его. Но народ стал кричать: «если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю» (Ин. 19: 12). Пилат пытался успокоить толпу, однако она еще сильнее кричала: «да будет распят!» (Мф. 27: 23). Видя, что смятение увеличивается, правитель умыл руки свои пред народом и сказал: «невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы» (Мф. 27: 24), на что разъяренная толпа завопила: «Кровь Его на нас и на детях наших» (Мф. 27: 25). После этого Варавва был отпущен на свободу, а Христос предан на распятие.

Крестный подвиг. Во время незаконного суда Господь претерпел многие оскорбления и унижение, но Его унижение началось еще тогда, когда Он «уничтожил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек» (Флп. 2: 7). Теперь же, когда наступило время завершения спасительного подвига Христа, Его страдания становятся явным свидетельством того, что Он «смирил Себя, быв послушным даже до смерти и смерти крестной» (Флп. 2: 8), пренебрегая посрамлением, которому Его подвергли (Евр. 12: 2).

Надругавшись над Христом в претории, воины сняли с Него багряницу, одели Его в Его одежды и повели на лобное место — Голгофу, возложив на Него крест — орудие позорной казни, которой предавали самых тяжких преступников. Христа распяли на этом кресте, укрепив на нем по велению Пилата надпись на латинском, греческом и еврейском языках «Иисус Назорей, Царь Иудейский» (Ин. 19: 19—20). Когда Христос был распят, воины разделили между собой Его одежды, бросив жребий о нешвенном хитоне, «да сбудется,— как замечает евангелист,— реченное в Писании: «разделили ризы Мои между собою и об одежде Моей бросали жребий» (Ин. 19: 21; Пс. 21: 19). По

правую и левую сторону от Христа распяли двух разбойников, что предвидел пророк Исая, который духом своим созерцал, как Мессия «предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был» (Ис. 53: 12; Мк. 15: 28).

Голгофа находилась недалеко от Иерусалима, поэтому к месту казни приходило много людей, каждый из которых по-своему воспринимал наблюдаемое событие. Среди них было немало таких, которые, проходя мимо Распятого, злословили Его, кивая головами и со злорадством говоря: «Разрушающий храм и в три дня Созидающий! * Спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий, сойди со креста» (Мф. 27: 40). Также и первосвященники с книжниками, старейшинами и фарисеями насмехались и с самодовольством говорили: «Других спасал, а Себя Самого не может спасти; если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него; уповал на Бога, пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему. Ибо Он сказал: Я Божий Сын» (Мф. 27: 41—43).

В течение шести часов продолжались тяжкие крестные страдания Господа. И все это время слышались насмешки и поношения. А рядом стояли Его Мать, любимый ученик Иоанн и другие близкие люди и с глубокой скорбью сострадали распятому, будучи бессильны чем-либо помочь Ему. Христос же, претерпевая крестные мучения, молился за распинавших и поносивших Его: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23: 34). Среди злословящих оказался и один из распятых разбойников, которого унимал второй, говоря: «Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же?» (Лк. 23: 40). Сознывая, что они осуждены справедливо и получили наказание по делам, благоразумный разбойник обратился ко Христу с мольбой: «помяни меня, Господи, когда прийдешь в Царствие Твое!», на что Господь ответил ему: «истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23: 41—43).

Обратив взор на стоящую у креста Матерь Свою и любимого ученика, Господь говорит: «се, сын Твой», «се, Матерь твоя!». И с этого времени, как свидетельствует о себе Иоанн, он взял Ее к себе (Ин. 19: 26—27к).

Страдания на кресте становились все мучительнее, и Христос воззвал к Богу Отцу: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27: 46). Зная, что уже все идет к завершению, Он, во исполнение предсказания псалмопевца — «дали мне в пищу желчь и в жажде напоили меня

* Содержание этого богослужебного текста имеет непосредственную связь с Евр. 9: 11—12.

уксусом» (Пс. 68: 22), говорит: «Жажду» (Ин. 19: 28). И один из воинов, напив губку уксусом, на трости подал ее к Его устам, насмехаясь над Ним (Мк. 15: 36). После этого Распятый возгласил громким голосом: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой» (Лк. 23: 46) и, сказав: «совершилось!», преклонил главу и предал дух (Ин. 19: 30).

Евангелисты свидетельствуют о том, что во время голгофской казни были особые знамения: сделалось темно, померкло солнце, завеса в храме разорвалась сверху донизу, земля потряслась и камни расселись; гробы отверзлись и многие тела усопших святых воскресли (Мф. 27: 51—52; Лк. 23: 44—45). Произошли перемены и в настроении людей. Евангелист Лука говорит, что «весь народ, сошедшийся на сие зрелище, видя происходившее, возвращался, бия себя в грудь (23: 48), то есть с чувством сожаления и раскаяния. А сотник, бывший здесь, «прославил Бога и сказал: «истинно Человек этот был праведник» (Лк. 23: 47).

Евангелие от Иоанна повествует о том, что поскольку была пятница, иудеи, «дабы не оставить тел на кресте в субботу,— ибо та суббота была день великий,— просили Пилата, чтобы перебить у них голени и снять их» (19: 31). Воины пришли на Голгофу и перебили голени у обоих разбойников, распятых со Христом. Увидев, что Христос уже умер, голени у Него не перебили, но один из воинов пронзил Ему копьем ребра, из которых истекла кровь и вода. Евангелист при этом указывает на то, что все это произошло во исполнение сказанного в Писании: «кость Его не сокрушится», «воззрят на Того, Которого пронзили» (19: 36—37; ср. Исх. 12:46; Чис. 9: 12; Зах. 12: 10).

Крест и жизнь. События, которыми завершаются последние дни земной жизни Спасителя мира, не только запечатлены в Священном Писании, они органически вошли в литургическую жизнь Церкви. Церковь Христова постоянно напоминает о них верующим в богослужениях, посредством которых она побуждает воспринимать евангельские события как события, вечно знаменательные и имеющие действительное значение в жизни христиан и всего мира, ради спасения которого Христос пролил Свою кровь на Кресте.

Так, согласно церковному уставу, богослужения среды и пятницы посвящены воспоминанию крестной смерти Господа, и ради этого в указанные дни установлен пост. В службах воскресных дней, наряду с прославлением воскресшего Господа, раскрывается спасительное значение крестных страданий. Вот некоторые из них: «Страстию Твоею,

Христе, от страстей свободихомся и воскресением Твоим от нетления избавихомся...»; «...Христос бо Спас наш на кресте пригвозди грехи наша и, смерть умертвив, живот нам дарова...» «Христос, будущих благ являясь архиерей, грех наш разорил есть и, показав странен путь Своею кровию, в лучшую и совершеннейшую вниде скинию, предтеча наш во святая»* (из воскресной службы 1-го гласса). В тех же службах указывается, кстати, что Христос как Богочеловек, свободный от страдания по божеству, был подвержен страданиям и смерти по Своему человеческому естеству. «Отеческих Твоих недр не разлучився, Единородный Слове Божий, пришел еси на землю за человеколюбие, человек был непреложен, и крест, и смерть претерпел еси плотию, бесстрастный божеством...» (на хвалитех, 4 гл.).

Особые воспоминания заключены в богослужебный круг страстной седмицы, каждый день которой насыщен раскрытием священных событий, связанных с последними днями земной жизни Спасителя, грядущего на вольные страдания. Достаточно привести отдельные моменты в богослужении Великого Четверга и страстной Пятницы, чтобы видеть, насколько воспоминания этих дней соединяют живой связью исторические факты Евангелия с духовной жизнью верующих во Христе. «Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя прими; не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя: помяни мя, Господи, во царствии Твоем» — это песнопение Великого Четверга, входящее также и в состав молитв пред причащением св. Тайн. В этих кратких словах не только упоминается Тайная Вечеря с установлением на ней Евхаристии, но и другие евангельские события. В них еще выражено глубокое сознание того, что все эти события, которые произошли почти две тысячи лет тому назад, воспринимаются и переживаются верующим сердцем как события собственной жизни. И они, действительно, таковыми являются для непосредственных участников Таинства Тела и Крови Христовых.

На утрени Великой Пятницы читаются 12 евангельских повествований, начиная с прощальной беседы Господа с апостолами (Ин. 13: 31 и далее) и завершая погребением Христа (Мф. 27: 66). Перед каждым чтением поется «Слава страстем Твоим, Господи», а после чтения — «Слава дол-

* Содержание этого богослужебного текста имеет непосредственную связь с Евр. 9: 11 — 12.

готерпению Твоему, Господи». Уже этими краткими песнопениями определяется отношение участников богослужения к повествуемым событиям. Но за чтениями следуют и другие богослужебные тексты, которые свидетельствуют о сопереживании верующими того, о чем возвещает Евангелие: «Чувствия наша чиста Христови представим и, яко друзи Его, души наша пожрем Его ради, и не попеченьми житейскими соугнетаемса яко Иуда, но в клетех наших возопиим: Отче наш, иже на небесех, от лукаваго избави нас».

После пятого чтения на средину храма износится за престольный крест при пении «Днесь висит на древе, иже на водах землю повесивый...», и следующее евангельское чтение переносит внимающих ему на Голгофу. И как отклик на него молящихся звучат слова: «Искупил ны еси от клятвы законныя честною Твоею Кровию; на кресте пригвоздився и копием прободся, бессмертие источил еси человеком, Спасе наш, слава Тебе». Эти же слова произносятся и перед совершением проскомидии, на которой для Божественной Литургии готовится особая просфора, знаменующая Христа как Агнца Божия, взявшего грех мира ради его спасения к жизни. Снова и снова чтения из Евангелия предваряются или сопровождаются трогательными песнопениями или молитвословиями, благодаря которым евангельские события раскрываются как реальность нашей жизни. Созерцая распятого Христа, верующий проникается сознанием того, что от Креста Господня истекает свет и новая жизнь, и потому он в умиленной песни взывает к Спасителю: «Разбойника благоразумного во едином часе раеви сподобил еси, Господи, и мене древом Крестным просвети и спаси мя».

Такое же живое восприятие крестных страданий Господа созидают и праздники в честь Креста, в которые износится св. крест на средину храма для поклонения. Богослужебное употребление св. креста для благословения верующих, для освящения воды и других священнодействий не только напоминает о крестном подвиге Спасителя, но и вселяет надежду, что посредством этого преподается благодать свыше.

Для постоянного памятования о спасительных страданиях Христовых в православных храмах поставляется большой крест с изображением на нем Распятия, водружаемый на возвышение, которое символизирует собой Голгофу. Нередко также в храмах можно видеть изображение Распятия и стоящих рядом с ним Божией Матери и апостола Иоанна, чем наглядно выражается вера Церкви

в то, что на Голгофе в лице св. Иоанна Богослова Христос усыновил Матери Божией всех верующих.

Таким образом, даже из этого краткого обращения к неисчерпаемому богатству литургического опыта св. Церкви можно видеть, как богослужебное воспоминание крестного подвига Спасителя мира утверждает полную уверенность в том, что сделанное Господом однажды является вечно действенным. Одновременно это воспоминание постоянно побуждает стремиться к общению с Виновником нашего спасения, ибо только пребывание в Нем (Ин. 15: 4) наполняет неиссякаемой жизненной силой, истекающей от Христа, Который есть путь, истина и жизнь (Ин. 14: 6).

Сошествие во ад. В Свящ. Писании кратко говорится о том, что Христос, приняв крестную смерть, сошел в ад (Деян. 2: 31), чтобы благовествовать «находящимся в темнице духам» (1 Пет. 3: 19). Преп. Иоанн Дамаскин, разъясняя это указание слова Божия, говорит, что Спаситель «сходит во ад для того, чтобы подобно тому, как находившимся на земле воссияло Солнце правды, таким же образом и для... пребывающих во тьме и сени смертной * воссиял свет; для того, чтобы подобно тому, как находившимся на земле Господь проповедал мир, пленным отпущение и слепым прозрение и для уверовавших сделался Виновником вечного спасения, а для неверовавших — обличением неверия, таким же образом проповедал и находившимся в аду, «да о имени Иисусове всяко колени поклонится: небесных, земных и преисподних» **. И таким образом разрешив тех, которые от веков были связаны, Он возвратился назад — от смерти к жизни, проложив для нас путь к воскресению»¹.

Свидетельство слова Божия о сошествии Христа в ад нашло отражение и в богослужебных гимнах. Так, в частности, одно из пасхальных песнопений, раскрывая веру Церкви во Христа как Бога, Которому все подвластно, прославляет Его такими словами: «Во гробе плотски, во аде же с душею яко Бог, в рай же с разбойником, и на престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом, вся исполний, неописанный».

В крестовоскресных канонах воспевается победное сошествие во ад, которое сокрушило державу смерти: «Пуст ад и испровержен бысть смертью Единого...», «Сушим во

* Иов. 10: 21.

** Флп. 2: 10.

¹ Точное изложение православной веры. Кн. 3, гл. 29.

аде сошед Христос благовести: дерзайте, глаголя, ныне победих...», «Обожена Твоя, Спасе, душа, адова сокровища пленивши, яже от века совоскреси души...». Один из воскресных тропарей, который также поется и в Великую Субботу, торжественно провозглашает эту Христову победу: «Егда снишшел еси к смерти, Животе бессмертный, тогда ад умертвил еси блистанием божества. Егда же и умершия от преисподних воскресил еси, вся силы небесныя зываху: Жизнодавче Христе Боже наш, слава Тебе».

Эту веру во Христа, «во ад сшедшего и поправшего силу диавольскую», ежедневно исповедует христианин, завершая свои вечерние молитвы. А св. Церковь утверждает своих чад в этой вере и изображением (на иконах «Сошествие во ад») покаяния Христом царства тьмы и прославлением Жизнодавца, «нас ради во ад сшедшаго и с Собою вся воскресившаго».

7. СВЯТООТЕЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ

Понятие о святых отцах Церкви и их творениях. Святые по вере и жизни, великие богословы и духовные учителя, разъяснители и защитники христианства именуются святыми отцами Церкви. Их сочинения, называемые творениями, основываются на святой Библии, исходят из живого христианского опыта самих писателей, совершенного знания богословских доктрин и путей духовной жизни и потому имеют большой авторитет в Православной Церкви, считаются одним из важнейших источников при раскрытии христианского вероучения и христианского подвига.

Особенно следует отметить творения следующих святых отцов Церкви: Игнатия Богоносца (I—II вв.), Иустина Философа (II в.), Ириней Лионского (II—III вв.), Киприана Карфагенского (II—III вв.), Афанасия Великого (IV в.), Василия Великого (IV в.), Григория Богослова (IV в.), Григория Нисского (IV в.), Иоанна Златоуста (IV в.), Амвросия Медиоланского (IV в.), Кирилла Иерусалимского (IV в.), Кирилла Александрийского (V в.), Максима Исповедника (VII в.), Иоанна Дамаскина (VIII в.), Григория Паламу (XIV в.), аскетические творения Антония Великого (IV в.), Макария Великого (IV в.), Ефрема Сирина (IV в.), Иоанна Лествичника (VI в.), Исаака Сирина (VII в.), Симеона Нового Богослова (XI в.), Тихона Задонского, епископа Кавказского Игнатия Брянчанинова (XIX в.), епископа Феофана Затворника, Амвросия Оп-

тинского и др., во все века питавшие богословскую мысль и во все времена направлявшие христианскую жизнь.

В творениях святых отцов даны ответы на основные вопросы христианской веры. Центральное место в их богословии занимает учение о спасении. Можно сказать, что все их богословие сотериологично. И это понятно, ибо спасение — цель жизни верующих в Бога и уповающих на Него.

Понятие о спасении. В основе понятия о спасении лежит представление о приведении в цельность или оздоровлении больного человека. Такое понимание можно вывести из греческого слова σωτηρία («сотириа»), которое в Свящ. Писании употребляется для обозначения спасения. «Сотириа» происходит от слова σωζ' («сое») — цельный, здоровый, невредимый — и означает оздоровление, необходимое человеку для того, чтобы он мог достигать на земле будущего совершенства или своего идеала вечной жизни. Из этого следует, что когда говорим о спасении человека, тем самым предполагаем, что по своей природе он является обладателем того состояния цельности и духовного здоровья, которое обозначается греческим словом «сое»; но что это состояние по какой-то причине оказалось нарушенным, и человек вследствие этого нуждается в его восстановлении. Именно это восстановление изначального духовного здоровья человека и подразумевается понятием спасения. Отсюда необходимой предпосылкой сотериологии является учение об изначальной цельности человека, о тех причинах, которые привели к нарушению этой цельности и о результатах этого нарушения.

Предпосылки сотериологии. Важнейшей предпосылкой сотериологии св. отцов является их антропология, включающая в себя учение о творении человека, его природе и назначении, о райском состоянии первых людей, их грехопадении и последствиях грехопадения. В главнейших своих чертах она почти повторяет библейское повествование. Созданный по образу Божию человек состоит из души и тела. Ни душа, ни тело в отдельности не составляют целого человека, но являются только его частями. В раю первые люди имели все блага богообщения, однако связанное с этим совершенство не могло быть получено человеком во всей его полноте в самый момент создания. Лишь в результате длительного пребывания в общении с Духом Божиим человек постепенно преуспевает и восходит к совершенству. По мысли св. Феофила Антиохийского, человек был создан ни смертным, ни бессмертным, но

«способным к тому и другому, -чтобы, если устремится он к тому, что ведет к бессмертию, исполняя заповедь Божию, получил от Него в награду за это бессмертие, и сделался бы богом; если же уклонится к делам смерти, не повинуюсь Богу, сам был бы виновником своей смерти. Ибо Бог создал человека свободным и самовластным». Человек употребил «самовластие» во зло — нарушил данную ему Богом заповедь, и в этом заключалось его грехопадение. Через грех непослушания отступничество возобладаало нами, и нас, по природе составляющих достойное всемогущего Бога, противоестественно отчуждило от Него. Грехопадение нарушило то отношение между человеком и Богом, которое было характерной чертой его райского состояния. Обольщенные сатаной и сделавшиеся его пленниками, первые люди уже не могли сохранить своего общения с Богом. Они стали «должниками смерти», сначала духовной, а потом и телесной, ибо вместе с вкушением они приняли смерть, потому что непослушание Богу приносит смерть. Св. Иринея Лионский видит в преступлении Адама как бы врата, через которые грех вошел в мир, внес порчу в человеческую природу и сделал весь род Адама подвластным греху и смерти.

Но Бог есть Любовь и Благодать. В силу Своей всеблагости Он не мог допустить, чтобы человек, Его создание, пребывал в смерти и тлении, вечно находился в отчуждении от Него, вечно страдал, так как только в общении с Богом есть истинная блаженная жизнь. Что же надлежало сделать всеблагодарному Богу, «когда истлевали словесные твари и гибли такие Божий произведения?» — спрашивает св. Афанасий Великий и отвечает: «Надлежало не попускать, чтобы люди поглощались тлением, потому что это было бы неприлично Божией благодати и не достойно ее». И благодать Божия, возбуждаемая «состраданием к униженным в достоинстве», к сделавшимся из славных бесславными, к лишенным пребывания в раю, «видя, что мы были и чем стали, милует нас», являя нам Свою милость и бесконечную любовь.

Участие в спасении Трех Лиц Троиственного Бога. Благобытия человек лишился в результате грехопадения. Но всеблагий Господь и после падения человека не отступил от него, а заботился о его воссоздании и спасении. Это воссоздание было осуществлением предвечного плана домостроительства нашего спасения.

Одним из основных положений святоотеческой сoterиологии является то, что домостроительство нашего спа-

сения есть дело, совершаемое не одним каким-либо из Трех Лиц Троиственного Божества, но всей Святой Троицей в Ее единстве и нераздельности, хотя каждая из Трех Божественных Ипостасей занимает Свое особое место в едином домостроительном действии Св. Троицы. Это убеждение опирается на веру Вселенской Церкви во Св. Троицу Единую и Нераздельную. В силу неделимости по существу и совершенного равенства Лиц Св. Троицы дело спасения мыслится св. отцами как действие Троиственного Бога. «Вы (т. е. христиане — К. С.), — размышляет св. Игнатий Богоносец, — истинные камни храма Отчего, уготованные в здание Бога Отца; вы возносите на высоту орудием Иисуса Христа, то есть крестом, посредством верви Святого Духа». По мысли же св. Иринея Лионского, Бог Отец, как мудрый Художник и величайший Царь, Своей волей и могуществом промыслил весь ход домостроительства спасения человека. Совершителем спасения и Искупителем человека был Сын Божий, Который, «все устроая для Отца, совершает от начала до конца». Об участии в деле спасения Св. Духа св. Иринея говорит, что «Дух питает и возвращает» человека. Вместе с тем св. Иринея подчеркивает существенное единство домостроительного действия Св. Троицы, ибо «во всем и через все Один Бог Отец и Одно Слово и Сын и Один Дух и одно спасение всем верующим в Него».

О с н о в а с п а с е н и я — Б о г о в о п л о щ е н и е . Хотя в спасении участвуют все Три Лица Св. Троицы, но основой нашего спасения служит пришествие Христа во плоти.

Боговоплощение — это начало, сущность христианской веры, камень, лежащий во главе угла (Мф. 21: 42). На этом догмате зиждутся все духовные устремления христианина, все его чаяния, все его ведение. Важность догмата Боговоплощения следует уже из того, что Господь наш Иисус Христос есть Начальник веры и Совершитель (Евр. 12: 2).

Раскрывая мотивы, которыми обосновывается необходимость пришествия Христа во плоти для спасения человеческого рода, св. отцы считают вочеловечение Сына делом снисхождения, человеколюбия Божия и учат, что воплощение было избрано Богом как самый лучший способ нашего спасения. В ином образе, по мысли св. Григория Богослова, Господь наш Иисус Христос был бы недоступен для человека. Спаситель «явился закрывшись отовсюду завесой, потому что иначе невозможно было бы приблизиться к моим немощам». А св. Кирилл Иерусалимский, развивая эту мысль, говорит: «Поелику не могли мы и видеть того и

насладиться тем, что Он Сам в Себе, то соделался Он тем что и мы, чтобы таким образом сподобились мы наслаждаться Им. Ибо если не в состоянии мы вполне видеть солнце.., то можем ли видеть Творца Его?» Так как человек нуждался в слышании от «подобнообразного ему, то Спаситель воспринял на Себя подобострастное нам, чтобы с большим удобством были научены люди».

Одного покаяния для спасения человека, по суждению св. отцов, было недостаточно. Само по себе покаяние прекрасно, потому что оно соединяется с осуждением греха в совести человека, но поскольку покаяние только прекращает грех и не простирается на его следствия, то оно и не могло быть единственным средством спасения. Покаявшийся не мог освободиться от того состояния, в каком он оказался после грехопадения. Покаянием он очищал свою совесть от греха, но не уничтожал расстройство между духом и плотью. «Чему надлежало быть в этом случае,— рассуждает св. Афанасий Великий,— или что надобно было сделать Богу? Потребовать у людей покаяния в преступлении?.. Покаяние не выводит из естественного состояния, а прекращает только грехи. Если бы прегрешение только было, а не последовало за ним тление, то прекрасно было бы покаяние. Если же люди, вследствие предшествовавшего преступления, однажды сделались подвластными естественному тлению, и утратили благодать Божия Образа, то чему иному надлежало совершиться? Или в ком ином была потребность для возвращения таковой благодати и для воззвания человеков, кроме Бога-Слова, из ничего сотворившего вселенную в начале? Ему принадлежало — и тленное привести опять в нетление».

Недостаточно было для совершения спасения и одного повеления Божия. Исходя из понятия о всемогуществе Божию, св. Афанасий Великий считает, что Бог мог единым словом разрешить клятву, но для человека это было бы не полезно. Человек, приняв совне благодать, мог скоро снова согрешить и оказаться еще худшим; мало того, мог придти к убеждению в том, что сколько бы он ни грешил, Бог всегда уничтожит его грехи. «В спасении,— говорит св. Афанасий Великий,— имело нужду не что-либо несуществующее, для чего достаточно было бы одного повеления; напротив того, растлен был и погибал сотворенный уже человек. Посему-то Слово справедливо и прекрасно употребило человеческое орудие и открыло Себя во всем. При этом должно еще знать, что происшедшее растление было не вне тела, но в нем самом началось, и нужно было —

вместо тления привить к нему жизнь... Иначе, если бы Слово было вне тела, а не в самом теле, то, хотя смерть естественным образом была бы побеждена Словом (потому что смерть не в силах противиться жизни), но тем не менее оставалось бы в теле начавшееся в нем тление». В том же естестве, в котором произошло «преспеяние греха», должно было совершиться и «явление правды». Если бы Бог, по мысли св. Григория Нисского, спас нас одним Своим всемогущим словом, то обнаружилось бы лишь могущество Божие, но наше спасение не было бы совершенным. В Боговоплощении же проявились вместе и могущество, и любовь, и мудрость.

Другими словами, при решении вопроса, было ли вообще необходимо для нашего спасения Боговоплощение, по мнению св. отцов, следует исходить не из понятия о всемогуществе Божию, а из понимания того, какой из возможных способов спасения является наиболее полезным для людей и в наибольшей степени приспособлен к особенностям их природы и к тому состоянию, в котором эта природа оказалась после грехопадения. Спасение человека единым всемогущим словом Божию было бы пригодно только в том случае, если бы освобождение от греха было равнозначно снятию с человека вины греха. Но грех, как знаем, внес глубочайшие изменения в самую природу человека, и изменения эти остались бы без исцеления при таком внешнем способе спасения. Снятие вины греха не освобождало бы человека от рабства греху, болезненного состояния его души и тела.

Спасительное значение крестной смерти, воскресения и вознесения Господа нашего Иисуса Христа. Вся земная жизнь Спасителя есть единый искупительный подвиг любви, который завершается смертью на кресте.

Если нерадение людей Спаситель исправил Своей жизнью, Своим учением, то «привзошедшую смерть стер приношением собственного Своего тела» (св. Афанасий Великий). Значение крестной смерти для нас, по мысли св. Григория Нисского, состоит в том, что за нею последовало воскресение, и воскресший Христос «собственным Своим телом дает естеству начало воскресения». Потому крест, по слову св. Кирилла Иерусалимского,— «похвала похвал».

Искупительное значение крестной смерти Спасителя определяется тем, что Он, истинный Творец всего видимого и невидимого, земного и небесного мира, действительно

мог принять на Себя все грехи мира и, значит, Своей смертью мог их и уничтожить,— что и совершил.

Смерть обыкновенного человека есть пресечение греха. В каком бы нравственном состоянии человек ни находился — смерть полагает конец его грехотворению. Смерть же Христа Спасителя, безгрешного, но взявшего на Себя грехи мира, явилась уничтожением их силой Божией. «Мы соделались чистыми Его честною кровию» (св. Афанасий Вел.).

Крестом разрушен ад; человеческое тело спасено от вечной смерти, а душа — от духовной темницы. Когда Божественное тело Христа Спасителя почивало во гробе, Он душой, «яко Бог», сходит во ад, откуда «ходящие в сени смертной» были призваны к свету, облечены во свет («блистанием божества». — Октоих, 2 гл., Богородичен 7 п. крестовоскресного канона). «Отверзошася тебе, Господи, страхом врата смертная,— поет св. Церковь,— вратницы же адовы видевше Тя, убояшася: врата бо медныя сокрушил еси, и вери железныя стерл еси...»

Святые Григорий Нисский и Василий Великий в крестной смерти Спасителя видят и глубокое символическое значение. По мнению св. Григория Нисского, простирающиеся в четыре разные стороны оконечности Креста с распятым посредине Богочеловеком означают то, что Господь соединил собою «небесных и земных и преисподних» (Флп. 2: 10), возглавил всяческая. «Для чего Крестом совершено домостроительство вочеловечения? — спрашивает св. Василий Великий и отвечает: Для того, чтобы от четырех крыл земли собрались спасаемые». В Кресте св. Иустин Философ видит величайший символ силы и власти Господней.

Несомненно, неистощимая Божия Любовь могла измыслить немало иных средств для спасения человечества. Но великая Премудрость Божия избрала именно это средство: воплощение и крестную смерть Сына Божия. Св. Афанасий Великий говорит, что данное средство совершеннейшим образом отвечает своей цели, являя в себе одновременно и всемогущество Снисшедшего до нашей немощи, и неизреченную премудрость, и бесконечное милосердие, уничтожившее человеческую греховность, победившее смерть, воссоздавшее и приведшее в совершенство человека без нарушения его свободы. То, что, по мнению маловерных людей, есть «немудрое Божие» (1 Кор. 1, 25), то самое «стало честнее всего. Ибо в Нем соблюдается наше воскресение».

Своей крестной смертью Спаситель распял на древе наши грехи, а в славном Своем воскресении даровал человечеству нетление и вечную жизнь, «в начаток... воскресения воскресив собственное Свое тело» (св. Афанасий Вел.). Московский Святитель Филарет называет Богочеловечество Христа ключом Давида, отпирающего все двери. «Всеотверзающее (же) движение сего ключа,— говорит он,— есть воскресение Христово. Им отверзается темница, и отдает заключенных; отверзается рай, и приемлет изгнанных; отверзается небо, и ожидает избранных». Воскресение Христа Спасителя явилось свидетельством того, что все, чему Он учил людей, к чему призывал их, что сделал для них — есть истина и спасение. Христос, поправ смерть, воскрес — воскреснем и мы, Его причастники. Сын Божий называется «первороденным из мертвых,— учит св. Афанасий Великий,— не потому, что умер прежде нас (умерли прежде мы); но потому что для нас приняв смерть и приведя ее в бездействие, первый воскрес, как человек, для нас воскресив тело Свое. Поелику Он воскрес, то наконец уже и мы Им и ради Него восстанавливаемся из мертвых».

Завершением спасительного служения Христа на земле явилось Его вознесение на небо. С вознесением нашего Господа на небо св. Афанасий соединяет то значение, что Спаситель взшел на небо Своей плотью ради нас, как наш Предтеча, чтобы этим восшествием открыть нам путь на небо. Как ад разрушил Христос Спаситель Своим нисшествием в него, как смерть победил Своим славным воскресением, так торжественным Своим вознесением с воспринятым человеческим естеством уничтожил преграду, закрывавшую вход в Царство Небесное — отверз для всех людей вход в обители Своего Отца. «Поелику Слово соединилось с человеком, от Отец, взирая на Слово, даровал человеку возможность вознестись, иметь власть всякую и все тому подобное. Поэтому восписуется Самому слову и как бы Ему дается все, что через Него приемлем мы. Как ради нас вочеловечилось Слово, так чрез Него возносимся мы» (св. Афанасий Вел.). Другими словами, домостроительство спасения рассматривается здесь не только как «Рvωσις (кеносис — истощание) Сына Божия, связанный с Его воплощением и крестной смертью, но и как вознесение Им на небо освобожденного от власти греха и смерти и прославленного человеческого естества.

Общим выводом из святоотеческого учения о спасении могут служить слова св. Иоанна Дамаскина: «Господь Своим рождением или воплощением, крещением, страда-

нием и воскресением освободил естество (наше) от прародительного греха, от смерти и тления; соделался начатком воскресения и показал в Самом Себе путь, образ и пример, чтобы и мы, последуя стопам Его, сделались по усыновлению тем же, чем Он есть по естеству, т. е. сыном и наследником Божиим, а Его сонаследниками».

Необходимость подвига. Господь наш Иисус Христос Своей смертью и воскресением даровал нам победу над смертью, вечную жизнь и блаженство, но этим люди не механически исторгнуты от смерти. Словом, хотя искупление человеческого рода и совершено, но оно должно быть усвоено каждым человеком в отдельности, ибо Господь претерпел смерть, чтобы мы впредь не предавались делам смерти, «дабы мы более не по плоти жили» (св. Афанасий Вел.), чтобы мы уподобились Ему в терпении и все терпели ради «Бесстрастного, но для нас подвергшегося страданию, все ради нас претерпевшего» (св. Игнатий Богоносец).

Приходящий к Спасителю в надежде на жизнь вечную уже по самому этому должен определить свою земную жизнь как ступень в жизнь вечную, а в силу этого — подчинить ее принципу вечности. Очевидно, он не может уже считать, что текущая его жизнь имеет значение сама по себе, а будущая откроется сама по себе, и что земную жизнь он может проводить, как ему хочется, а в будущей жизни он примет на себя обязанности иные, связанные с иными условиями бытия. Разделять человеческую жизнь на две отдельные жизни: временную и вечную — недопустимо. У каждого человека лишь одна жизнь: будущая жизнь — это продолжение настоящей, земная жизнь — подготовка к жизни небесной. Текущая жизнь — это лишь один момент вечной жизни, и ставить для нее самостоятельную цель, не зависящую от цели вечного бытия человека, значит то же самое, что отвергать вечную жизнь. Следовательно, земная деятельность человека должна быть судима по истине его вечного существования, и истинный поборник вечной жизни со Спасителем должен отрешиться от всего того, что связывает его духовную свободу и превращает его в одно из преходящих явлений мира, и направлять все свои силы к единой цели — вечной жизни. И цель эта будет достигнута. «Как благий,— учит св. Афанасий,— Бог всем явил... благодать и ущедряет все дела Свои. Но спасутся те, которые пожелают воспользоваться Его благодатью». Господь простирает Свою руку ко всем людям и всем предлагает жизнь, но никогда не насилует. «Спаситель же столько кроток, что хотя спрашивает:

«Аще кто хочет по Мне идти» (Мф. 16: 24), и: кто хочет быть Моим учеником,— однако же, приходя к каждому, не употребляет насилия, а напротив того, ударяет в дверь и говорит: «Отверзи Ми сестро Моя» невесто (Песнь. 5: 2); и когда отворяют,— входит; когда же медлят и не хотят,— удаляется».

Как бы подводя итог в решении вопроса: «Чем нам достигнуть блаженного конца?»,— св. Афанасий Великий пишет: «Во-первых, тем, если пойдем путем непорочным, который есть Христос; а потом, если будем делать правду; в-третьих, если сотворим сердце обителью истины; в-четвертых, если не приобретем себе лукавого языка; в-пятых, не сделаем зла ближнему; в-шестых, не осудим горделиво ближнего; в-седьмых, не будем иметь лицемерия; в-восьмых, не нарушим верности в клятве; в-девятых, не будем брать лихвы; а в-десятых, что составляет конец всякого добра, будем неподкупны. Кто научился преспеянию в этом, тому будет постоянное даяние благ». А научиться этому и преуспеть можно лишь в Церкви, где действует вспомоществующая благодать Божия, подаваемая верующим многими средствами и, прежде всего, таинством святой Евхаристии, которое есть, по слову Св. Игнатия Богоносца, «врачевство бессмертия, не только предохраняющее от смерти, но и дарующее вечную жизнь во Иисусе Христе».

8. УЧЕНИЕ ОБ ОБОЖЕНИИ

Идея обожения. «Идея обожения,— по словам лучшего патролога первой четверти текущего века и доброго христианина-профессора Московской духовной академии Ивана Васильевича Попова (1867—1938),—начиная с IV века составляла самое зерно религиозной жизни христианского Востока, вокруг которого вращались все вопросы догматики, этики и мистики». Преобразование действием благодати Божией смертной природы человека в бессмертную, тленной в нетленную, освобождение ее навсегда от греха и нравственных несовершенств, от физических немощей и болезней; дарование ей силы и власти как над окружающей ее физической природой, так и над духовным миром человека, одухотворение ее, сообщение ей Божественной славы и величия, чтобы подходящим жительством для нее стала не земля, а небо — короче, обожение — вот то, что составляло последнюю и высшую цель сотериологических упований православного христианина.